

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей

Проповедь

январь 1991 г.

Из слова в день памяти свв. Давида царя, Иосифа Обручника и ап. Иакова, брата Господня 13 января Начиная с 70-х годов нашего столетия литургию апостола Иакова стали служить и у нас, но не везде, а сначала в одном городе, потом в другом; сначала епископы, митрополиты, потом и просто священники; в дни памяти апостола Иакова, прежде всего, в этот день после Рождества, и 5-го ноября по новому стилю. Хотя есть и другие дни памяти апостола, и можно было бы чаще служить эту литургию. Может быть, было бы хорошо служить ее и во все дни памяти апостолов. Нам давно пора снова литургически вспомнить о них. Слишком заслонили их другие святые. В древности дни памяти апостолов выделялись особо, а мы до сих пор просто не исполняем устава, а ведь по уставу память каждого апостола – это всегда большой праздник. Мы же об этом часто и не знаем. Литургия апостола Иакова ценна для нас тем, что она сохранила дух доникейской, доконстантиновской эпохи, когда главный акцент ставился на вере и исповедании, когда мученичество принималось как константа христианской жизни, чего до сих пор у нас нет, несмотря на то, что жизнь заставила нас повернуться, и мы пережили такую эпоху мучеников, которую не переживала христианская церковь еще никогда и нигде. А литургия апостола Иакова заставляет нас вспомнить о тех корнях, которые очень важны для полноты восприятия христианства, нашей православной веры. Не так давно в Москве открылось Иерусалимское подворье, в том самом храме, который принадлежал ему еще до революции, в нынешнем переулке Аксакова, ранее Филипповском переулке. И вот, я с радостью узнал от его настоятеля, что там будет служить литургия Иакова, хотя, к сожалению, только где-то в мае, в день памяти апостола или еще позже. Значит, мы и в Москве теперь сможем бывать на этой литургии, приобщаясь к тому духу мужественного исповедания христианства, который там так явен. Конечно, он есть и в нашей литургии, но акценты в ней переставлены, что естественно, ибо исторические эпохи, в которые эти литургии в основном складывались, различны. Сохранился на литургии апостола Иакова и древний чин причастия: миряне причащаются отдельно святого Тела и отдельно святой Крови из чаши. Ведь в древности христиане получали святое Причастие в руки, и это было знаком великого доверия всех членов Церкви друг к другу. Вот кого мы сегодня вспоминаем: великих отцов – царя Давида, праведного Иосифа и апостола Иакова. Как важно знать нам больше о них, об их учении, об их жизненном пути, о всем том, что было с ними связано, чтобы полнее прославить Господа в Его Рождестве, чтобы прочувствовать, что значит это Богоявление и вся священная история, которая и есть цепь Богоявлений с самого первого дня существования человечества и в самой его истории. Будем же обо всем этом помнить. Хотя, конечно, мы сказали не все, что можно было сегодня сказать, но будем постепенно «выносить из сокровищницы сердца своего и старое и новое», как наученные Небесному Царству. И если кто-то нас спросит: «Что вы делали сегодня? Куда вы ходили и зачем?», то нам надо иметь, что ответить. Невозможно описать кому-либо молитвенный дух: для этого нужно быть здесь. Но можно рассказать о том смысле, который раскрывается так богато нам в нашем собрании, через молитвословия, чтение Священного писания, через все, что мы называем богослужением. Очень бы хотелось, чтобы это богослужение на престолах вашего сердца не прекращалось ни на минуту, никогда: в храме, на улице, дома, на работе, везде и всегда и со всеми, чтобы каждый христианин не на словах только, но в жизни своей показывал, что он есть истинный царь и священник Божий. Аминь.

СВ. БОГОЯВЛЕНИЕ 18 января

Слово перед вечерней

Дорогие братья и сестры, поздравляю вас с праздником! Сейчас у нас будет сложное богослужение, состоящее из четырех частей. Сначала мы отслужим великую праздничную вечерню с чтением тринадцати паримий из Ветхого завета, апостола и евангелия. Надо обратить внимание на чтение этих паримий, ибо они все связаны одной смысловой нитью, поскольку в древности в этот день на вечерне было положено совершать крещение людей, к которому они длительно готовились, оглашаясь. И в то время, пока в церкви читались паримии, епископ, возглавлявший богослужение, шел в крестильню и там крестил людей. По их возвращении читались апостол, евангелие и сразу же начиналась литургия верных, на которой первый раз могли присутствовать и сами сослужить при священнодействии новокрещенные. Именно поэтому сегодня за вечерней мы будем совершать великое освящение воды. Связано это с тем, что всегда и прежде перед крещением совершалось великое освящение воды. Потом мы сразу начнем великое повечерие, в конце которого будет совершена лития с освящением пшеницы, вина, масла и хлеба. А завтра, после утрени (поскольку в нашем новооткрытом храме мы еще не можем служить литургию), еще раз совершим великое богоявленское освящение воды. По чину оба водоосвящения – одно и то же, но исторический смысл этих чинопоследований разный. Сегодня это как бы начаток того Крещения мира, которое с древнейших времен совершалось в Церкви в связи с праздником Крещения Господня. А завтра будет вода освящаться по иерусалимской традиции. На протяжении многих веков в Иерусалиме патриарх Иерусалимский в этот праздник шел воспоминать Крещение Господне на Иордан, на то место, где Господь крестился, и там освящал воду. Итак, смысловое различие очень большое. В одном случае – в канун праздника, сегодня, освящается вода так, как она обычно должна освящаться перед Крещением человека, когда на него сходит Дух Святой, как когда-то при Крещении Он сошел на Господа нашего на Иордане. В другом случае – на сам праздник Богоявления – духовно воспоминаются евангельские события. Вот как объясняется то, что это чинопоследование в церкви совершается дважды. Аминь.

Слово после чтения Евангелия

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Сейчас мы слышали повествование евангелиста Луки о том, что народ искал Мессию. Искал, ибо ждал Его. Сначала люди думали, что Мессией является Иоанн Креститель. Иоанн был великим пророком и в традиции древних израильских пророков он находил в себе силу говорить правду, причем всю правду и вслух. Он обличал для того, чтобы вернуть всех к Богу. Он обличал грехи народа, для которого Божий закон уже давно стал чем-то бытовым, простым, обыкновенным. Народ давно приспособился к трудностям жизни по закону и отвратил сердце свое от Бога. Иоанн обличал людей. Он называл их, лицемерно приходивших креститься к нему, порождением змеиным, порождением ехидны. Он говорил им: «Кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите достойные плоды покаяния». Можно приносить плоды покаяния, но эти плоды могут остаться не принятыми Богом, если они недостойны того. «Не думайте говорить себе, – говорит святой Иоанн Предтеча, – что отец у нас Авраам, ибо говорю вам, Бог может даже и из камней сотворить Себе детей Авраама. Вот лежит при корне дерева секира. И всякое дерево, которое не приносит плода, будет срублено и брошено в огонь». Услышал народ слово Иоанна и задался вопросом: что же нам делать? Те, кто задавал такой вопрос, обрели подлинное смирение, потому что хотя знали, что принадлежат народу Божьему, но познали и то, что они – народ согрешивший. Так и нам с вами нужно знать и то, и другое. Ныне и нам, народу Божьему, часто требуется обличение в наш адрес и ответ на вопрос: что же нам делать? Тогда ответил Иоанн народу: «У кого излишек в одежде – отдай неимущему, у кого есть пища в запасе –

сделай то же самое». Когда пришли к Иоанну мытари, сборщики податей, наживавшиеся на бедах народа, то и им в ответ на подобный вопрос Иоанн сказал: «Ничего не требуйте более определенного вам». И воины хотели узнать, что делать? И им Господь сказал: «Никого не обижайте, не клеветайте и будьте довольны своим жалованием». Как трудно это делать воинам, которые бывают связаны присягой и вынужденным послушанием своему начальству. Но от имени Бога им было сказано: никого не обижайте. Таким образом, народ стал думать, что этот дерзновенный пророк и есть Христос. А Иоанн сказал им: я вас крещу лишь водой, я вас привожу к покаянию. И через это символическое омовение водою вы получаете оставление своих грехов, в которых каетесь. Но смотрите, идет за мною Сильнейший меня, Тот сильный, Тот крепкий, у Которого я не достоин развязать ремня на обуви Его. Вот Он будет крестить вас не просто водою, Он погрузит вас в Духа Святого и крестит вас огнем. Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу в житницу, а солома будет сожжена этим огнем неугасимым. Это указание относится также к нам. Пришедший и крестившийся от Иоанна Иисус крестил и нас Святым Духом. Он пришел низвести на землю огонь, тот огонь, который может согреть и просветить, но который может и поглотить всякую нечистую душу. Он есть альфа и омега, все через Него, и невозможно спасение без Него. Через Христа мы получаем прямой доступ к Отцу, и дай Бог, чтобы Он, пришедший в Духе и Силе, нашел нас не отверженными, не пустыми, не сухими, как солома, а ветвями живыми, зелеными и плодоносящими. Аминь.

19 января Слово на утрене после евангелия Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Сейчас мы слышали радостную, благую весть о том, как Господь наш Иисус Христос пришел из Галилеи к пророку Иоанну, который уже давно проповедовал покаяние, готовя народ к принятию Сильнейшего, идущего к Своему народу. Господь приходит на Иордан к Иоанну креститься. Но Иоанн, весь смысл жизни которого заключался в том, чтобы благовествовать Грядущего, узнать Его и тем исполнить волю Божью, начинает в ужасе удерживать Иисуса, пришедшего креститься так же как и все, отпавшие от Бога грешники, как весь народ израильский того времени. Иисус приходит наравне с этими грешниками, неся на себе тяжесть мирового греха. Иоанн же знал только одно, что этот Человек от Бога, это Тот, Кто не совершил греха. Поэтому, зачем Он приходит во Иордан омыть грехи? «Мне надобно креститься от Тебя, - говорит Иоанн Ему, - и Ты ли приходишь ко мне?» Но Иисус, знавший, чувствовавший всем сердцем, что Он, хоть Сам и не сделал греха, но взяв на себя ответственность за грех, должен быть ныне приравнен ко всем, отвечает: «Оставь теперь, довольно. Так нам надлежит исполнить всякую правду». И воистину, если Господь действительно, а не внешне символически берет на Себя грех мира, то Он должен испытать на Себе и судьбу этого отпавшего и лежащего во зле мира. Так исполняется правда. Грех отлучает от Бога, грех разрушает, унижает человека. Грех всегда рождает свои последствия. Поэтому и надо было Господу Иисусу прийти в этой толпе кающихся и, исполняя правду Божью, омыться в струях Иордана. Согласно пророчествам Ветхого завета, «море виде и побеже, Иордан возвратился вспять». Как бы сами струи Иорданские также желают противоречить Иисусу, входящему вместе с грешниками в воду. И они также не хотят допустить Его к Крещению, как и Иоанн. Ты ли придопускает Господа до Крещения. И «крестившись, - говорит евангелие, - Иисус тотчас вышел из воды и отверзлись небеса Ему, и увидел Иоанн Духа Божьего, сходящего как голубь и спускающегося на Него». Отверзлись небеса и произошло явление Самого Бога в гласе Отчем, чрез Духа - голубя, нисходящего на Сына Божьего. И вот откровение Божие, глас с Неба, глаголющий: приходишь к нам, - как бы говорят они Ему. Но Господь исполняет всякую правду Божью, полноту правды Божьей. Иоанн не понимает этого. Этого не вмещает и весь мир сей. Но Иоанн, будучи послушен правде Божьей, : «Это Сын Мой возлюбленный, в Нем Мое благоволение». Для нас с вами это и великая радость, и великая печаль. Печаль, потому что распинается Сын Божий в этом мире, и радость, потому что Господь пришел и открыл Себя снова и снова всем, кто способен увидеть и услышать. В Нем благоволение Божие, в Иисусе, пришедшем к Иоанну и крестившемся. А если благоволение

Божие в Нем, то можем ли мы оборачиваться назад и снова распинать грехами своими Господа Иисуса? Как еще часто мы идем на компромисс, умом отрицая компромисс, и языком тоже. Как еще часто мы бываем согласны на грех и как часто мы не чувствуем того, почему и нам следует исполнить всякую правду. Не оставим же без внимания того, что открывается нам в этот день. Господь Иисус Христос снова и снова стучится в наши сердца, и вновь мы получаем откровение Духом Божиим, что в Нем благоволение Отчее. Аминь.

СОБОР ИОАННА ПРЕДТЕЧИ И НЕДЕЛЯ О ЗАКХЕЕ 19 января Слово после чтения Евангелия на вечерне Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Сейчас мы слышали о том, что произошло с Иоанном Крестителем уже после Крещения Господа. Когда Иоанн был отдан под стражу, Иисус уходит в Свою страну Галилею и поселяется в приморском городе Капернауме, в пределах Завулоновых и Неффалимовых. Таким образом, Галилея языческая – как ее называли пророки – тот народ, который сидел во тьме, увидел великий свет через Господа. Тогда в этой стране, находившейся под тенью смертной, воссиял свет, и оттуда, из этой страны, начинается проповедь, проповедь уже не Иоаннова, не подготовительная, а проповедь Самого Христа о том, что необходимо покаяться, ибо приблизилось Царство Небесное. У вас может возникнуть вопрос: что же, Господь, по существу, повторяет проповедь Иоанна? Ведь Он почти буквально, дословно начинает Свою проповедь с того, чем кончил Иоанн Предтеча. Сегодня утром мы с вами говорили, в чем был смысл прихода этого величайшего из рожденных женами пророка Ветхого Завета, того пророка, который стал как бы на границе двух заветов, который, будучи пророком Ветхого Завета, уже служил подготовке Нового. Впрочем, начали это делать и до него, и за многие века до него, тогда, когда еще древние пророки Израиля возвестили о том, что будет заключен Новый Завет, Новый Завет Бога со своим новым народом, завет не внешних дел, не закона, а завет Любви, написанный в сердцах людей. Именно так и случилось. Чем кончился Ветхий Завет, чем кончил Иоанн Предтеча, с того и начинает Господь Иисус, и разница только в следующем, дорогие братья и сестры: то, что для одного – предел, то для Другого – основа и начало: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». Если для Предтечи это было пророчество о будущем, о том, что только должно совершиться, исполниться, то во Христе это уже совершается и исполняется. Царство Божие приблизилось, но в Нем Самом. Чтобы его обрести, нужно только одно – покаяние. Только это покаяние и могло открыть людям то Царство, которое приносит Господь. Покаяние – вещь простая, братья и сестры. Нет ничего проще покаяния. Вы все это очень хорошо знаете, и если мы часто не умеем каяться, то только потому, что не умеем быть простыми людьми. В нас нет Божьей простоты, нет того единства ума и сердца, которое требуется для покаяния. Ибо всегда ум наш стремится к добру, а если и ум смущается, то стремится к добру сердце. Всегда в человеке есть то, что ведет его к Богу. Надо лишь прислушаться и найти в себе силы и решимость всего себя отдать на служение Господу. Найти в себе силу соединить ум и сердце, душу и дух. Нет ничего проще покаяния, братья и сестры. И вот какой замечательный пример покаяния показан нам сегодня во втором евангельском чтении – от Луки. Знаменитый рассказ о мытаре Закхее. Не простом мытаре, а даже начальнике мытарей, человеке богатом, который уже давно вошел в свою греховную роль, который давно уже адаптировался, который давно уже смирился с тем, что его презирает и ненавидит народ, – народ, который не мог примириться с порабощением своей земли захватчиками, теми людьми, которые были чужды ему. И этот Закхей искал видеть Иисуса. Как сказано в евангелии: «Он хотел увидеть, Кто Он», т. е. он хотел узнать и познать, Кто Этот Иисус. Вот и все, что сказано в евангелии о Закхее, ничего больше. Опять же самое простое. И вот мытарь Закхей, покуда был мал ростом, забежал вперед, влез на смоковницу, вверх, чтобы увидеть Господа, потому что надлежало Иисусу проходить мимо него. Что сделал Закхей? Опять ничего особенного. Он только повиновался тому, что было в его сердце. Захотел узнать, Кто есть Иисус, и сделал немного: шаг вперед и немного вверх. Вперед и вверх – все, что потребовалось для того, чтобы достичь заветной цели. И вот, мимо этой смоковницы, как и

ожидалось, проходит великий Учитель Израиля, великий Пророк, Мессия Иисус. Он, конечно, замечает этого Закхея. Посмотрев вверх, говорит ему: «Закхей, сойди скорее, иди в свой дом, ибо сегодня Мне надо быть у тебя». Тогда Закхей, не ждавший такого обращения и такого предложения, познав Господа, быстро, даже с поспешностью некоторой, как сказано в евангелии, сходит вниз и принимает Господа в своем доме с радостью. Вот плод его усилий, несоизмеримо превышающий все его усилия и пожелания. Но разрушив то греховное равновесие, которое было между начальником мытарей и его окружением, он вызывает против себя, а заодно и против Господа, реакцию окружающего народа, который стал роптать: что это Иисус заходит к человеку грешному? Тут Закхей смутился, может быть, даже испугался. За кого? Не за себя, за Иисуса. Он стал переживать, потому и говорит Господу, как бы желая оставить Его подольше у себя добрым, правдивым словом. Он говорит: «Господи, я половину всего того, что имею, отдам нищим, а если я чем кого-то обидел, я воздам тому вчетверо». Он почти не понимал, что говорил, ведь он не знал всех, кого обидел, он даже, наверняка, не знал границ своего имения, ведь в этом и заключался весь смысл его прежней жизни: границы между своим и не своим стирались. Стирались годами так, чтобы совесть не мучила его, чтобы не напоминала ему о том, откуда у него такое богатство. А тут Закхей чувствует, что он может раздать имение свое и загладить обиду оскорбленных, униженных им лично. Однако только этого и ждал Иисус от Закхея, поэтому и говорит ему: «Ныне пришло спасение дому сему, потому что и этот человек, этот несчастный Закхей, начальник мытарей, налоговосборщиков, он теперь сын Авраама, он теперь сын веры, он сын закона, он сын надежды, он будущий сын Любви». Так Сын Человеческий «пришел взыскать и спасти погибшее». Аминь.

20 января Слово после чтения 11-го воскресного Евангелия на утрене

Во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Сейчас мы слышали евангельское повествование о Воскресении Христовом и о том, что произошло вслед за тем. Сегодня снова и снова возникает вопрос о любви и верности ей. Бог есть Любовь. Поэтому всякий, кто надеется прийти к Богу, жить с Богом, не может обойти вопроса о любви. Всем нам кажется, что мы любим Бога и ближнего. Так же все мы знаем, что наша любовь несовершенна, немощна, часто малоплодна, но мы, к сожалению, не понимаем, насколько остро стоит для нас этот вопрос. А нам надо было бы беспокоиться, потому что мы видим плоды нашей нелюбви или слабости нашей любви и часто сожалеем о них. Часто мы перестаем быть солью земли и светом мира. А именно любовь есть эта соль и этот свет. Потому-то мир часто отходит от церкви или достаточно к ней равнодушен, если не брать во внимание ее исторические и культурные аспекты. Да, люди часто не стремятся в церковь и равнодушны к ней. Им кажется, что если есть смысл существования церкви, то только в том, чтобы сохранять исторические памятники, национальную культуру, быть христианский и все. Сегодня утром ко мне подошла простая женщина из Рязанской области, заговорила о том, что столько поломано, столько уничтожено. Говорила: «Ну ладно, если бы закрывали церкви, только бы не ломали ничего». Я был поражен в самое сердце. Как же верующий человек не понимает, что этот разгром – следствие неверия и оскудения любви. Оно сначала привело к возможности закрыть храм, а все остальное – это естественное следствие. Увы, должен вам покаяться, что не нашел в себе даже сил возразить ей и сказать, что ее слова – это кошмар, ужас, это свидетельство полного ее неверия и незнания ни Бога, ни Церкви. Но бабушка была симпатичная, и мне не хотелось перед началом службы ее огорчать. И, наверное, я все-таки зря не сказал того, что думал, слушая ее. Ведь вопрос о любви, как и вопрос о вере – центральный вопрос в нашей жизни. Только он должен стоять в центре, все остальное периферийно. В центре жизни должен стоять только Бог и человек во Христе, все же остальное второстепенно, хотя и должно быть связано, конечно, с Ним. Вот так же Господь наш Иисус Христос проверял и Своего ученика, считавшегося столпом. Господь этому столпу мог в свое время сказать: «Отойди от Меня, сатана, ибо ты Мне соблазн». И теперь, проявляя великое милосердие и подлинную любовь, Господь говорит о том, что все, любой грех,

может покрыть только благодать и Любовь, которой надо открыть свое сердце, открыть целиком и полностью, не оборачиваясь назад, не страшась, не сомневаясь. Поэтому Господь и спрашивает: «Симон, сын Ионин, любишь ли ты Меня?» И трижды вопрошает его о любви, любви всесторонней, всеобъемлющей, ибо Петр ранее трижды отрекся от Него из-за страха, из-за того, что эта любовь не проникла тогда еще в его сердце, ставившее в центр своей жизни еще закон Божий, а не Бога, который есть Любовь. Вот так немощное, отрекшееся от Господа сердце сейчас проверяется и восстанавливается в союзе Любви: «Симон бар Иона, любишь ли ты Меня?» Петр был удивлен, он не понял вопроса Господа. Ему так же, как и нам сейчас, казалось, что нет проблем, он же Его ученик. Поэтому он наивно апеллирует к тому, что Господь о нем знает. «Ты же знаешь, что я люблю Тебя, что же Ты спрашиваешь? Зачем это испытание, разве говорят о любви, разве задают такие вопросы? Ты знаешь, что я люблю Тебя». Иисус вразумляет его, продолжая: «Тогда паси агнцев Моих». Ведь предательство Любви есть всегда разорение. Предательство Любви есть расточение Церкви Божией. Вся она зиждется на Любви и скреплена Любовью. Нет Любви, оскудела Любовь – и все, начинается расточение, разорение, начинается хаос, развал, сначала внутренний, потом внешний. К сожалению, в истории церкви это тоже было, такое оскудение. И мы с вами знаем об этом не в первом поколении, и не во втором, и не в третьем. И не с XVII века это все началось. Эта болезнь началась давно. И предупредил нас о ней Господь Иисус Христос, обратившись к Петру: «Любишь ли ты Меня? Если любишь, собирай Мое стадо.» «Кто не собирает со Мною, тот расточает», – сказано в евангелии. Каждый из нас помнит эти слова, но мы все сваливаем друг на друга. Как будто кто-то в Церкви все должен делать, собирать, а к нам это вроде бы и не относится. Мы не понимаем, что мы все должны собирать, и при этом должны понимать, что связывать и с чем. Апостол Петр был и испытан и научен вопросами Господа. Каждый раз, когда Господь говорил, что Петру надлежит пасти Его овец, Его агнцев, каждый раз это наполняло Петра Любовью, ответственностью и пониманием в сердце своем того, к чему он был призван. Лишь на третий раз апостол опечалился. И в третий раз услышал: «Паси овец Моих». Но после того, как печаль исполнила сердце Петра, Господь не ограничился этими словами, Он показал перспективу его жизни, сказав: «Когда ты был молод, то препоясывался как хотел и шел куда желал, а будешь пасти стадо Мое, собирать Его в Любви, увидишь, восстанет на тебя зло, и уж тогда ты прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведет, куда ты сам не хочешь идти. И так будет до смерти». До самой смерти, которая постигнет ап. Петра в мучении за Христа. Нельзя обойти этого мучения, было бы оно лишь во имя Господне, а не во имя свое. Ибо хорошо кто-то сказал, что если раньше люди делились на гордых фарисеев и смиренных мытарей, то сейчас люди делятся на гордых фарисеев и гордых грешников. Даже муки своей жизни люди часто превращают в повод для самоутверждения. Вот все, что Господь хотел сказать апостолу Петру. Он завершил беседу простыми словами: «Иди за Мной». В этом вся суть и итог беседы: «Иди за Мною». Если пойдешь за Мной, то докажешь, что имеешь Любовь, и тогда будешь пасти агнцев Моих. Пойдешь за Мной, испытаешь и мучения от восстающего на душу зла. Пойдешь за Мной – и образуется сердце твое, и получишь оправдание, и спасение, и преображение всей своей жизни. Когда мы слышим о тех тайнах, которые открывались ученикам Христовым после Воскресения Его, никогда не будем думать, что нас это касается лишь постольку, поскольку мы обратили свой взор и слух назад. Никогда не будем думать, что это было и прошло. Все, что Господь открыл в Своем Воскресении, уже не умирает, как не умирает, воскреснув, Сам Господь. Вслушаемся же в Его глас, взглянемся в ту духовную реальность, в которой живой Господь пребывает донныне, сидя одесную Отца. Тогда и наследуем Жизнь вечную со всеми святыми! Аминь.

СУББОТА ПО БОГОЯВЛЕНИИ. ОТДАНИЕ БОГОЯВЛЕНИЯ 26 января Из слова перед утреней Дорогие братья и сестры! Сегодня отдание праздника Богоявления. Мы заканчиваем празднование, но не для того чтобы забыть его, а чтобы знать, что требуется от нас потом, после того как мы праздник завершим. Можно сказать, что в церкви каждый день

праздничный, нет ни одного дня в году, в который бы не совершалась память какого-нибудь события или святого. Да, есть дни, в которые воспоминаются многие святые, и есть дни, в которые чествуется один святой или духовное событие, но нет ни одного дня, чтобы вовсе не было такой памяти. Для чего это так? Это не просто исторически сложившийся факт. Дело в том, что Церковь всегда надеется, что каждый из ее членов, придя на общее богослужение, проникнется духом того события, святого или святых, которые воспоминаются в этот день. Если это праздник, то надо войти в дух этого события, понять его духовно, а не только исторически. Празднуется ли память какого-нибудь святого, мы также должны подражать вере его, идя по пути совершенствования нашей веры и жизни. Это можно делать и самим, мы же не ходим в храм каждый день. Хотя сейчас в православном мире возрождается традиция пребывания в храме членов церкви чуть ли не каждый день. Конечно, невозможно совершать часовые, даже многочасовые богослужения каждый день. Это могут делать только единицы, а вот обычные люди, которые работают, учатся, имеют какие-то обязанности, они просто стараются селиться рядом, в одном городе или в одном селе так, чтобы, как говорится, храм нельзя было обойти. Идут, к примеру, дети в школу – зайдут в храм, помолются три минуты, совершая ту же молитву, что и дома утром и вечером, но только в храме. И когда эта традиция общая, то собирается много и детей и взрослых. И так хотя бы кратенько, но ежедневно утром и вечером все заходят в храм. Конечно, это все легче делать на фоне западной традиции, где целый день храм открыт. У нас, к сожалению, любят запира́ть храмы, хотя нужно было бы, чтобы храмы были открыты, чтобы любой желающий мог прийти в храм. Храм должен быть духовным домом для человека, а не чем-то отчужденным от него. Итак, такая традиция появилась в православном мире, правда, сейчас больше в Америке и других странах, где православные в меньшинстве. Впрочем и нас с вами еще не большинство, не будем об этом забывать. Там люди специально соединяются, даже территориально селятся ближе, чтобы иметь такую возможность постоянного молитвенного общения. А для чего иметь такую возможность, ведь по-настоящему можно и дома помолиться? Это нужно для того, чтобы совершенствоваться в вере и жизни христианской. И сопрягать это совершенство не только с собственными, индивидуальными усилиями, а со всем тем, что в церкви накоплено и что в огромной степени до сих пор лежит под спудом. Мы не используем этого богатства в огромной степени. То, что мы усваиваем, что используем, что переживаем в нашей православной жизни – это маленькая доля того, что может пережить и чем может жить православный человек. Вот, дорогие братья и сестры, поэтому и сейчас, литургически завершая празднество Богоявления Господня, нам нужно удержать, сохранить в себе тот свет, который открылся нам при праздновании Рождества и Богоявления, тот опыт, который мы приобрели, преодолевая искушения, выпавшие в это время на нашу долю. Все это должно войти в общую копилку Церкви Христовой. И все, что наиболее ценно, то отложится и переживет века, а для нас станет путем в Жизнь вечную. Не будем этого забывать, ибо мы иногда еще относимся к духовным праздникам точно так же, как к светским: мол, пришел день, когда надо лишь поменять стиль своей жизни, не пойти на работу, на учебу, приготовить стол, пойти в гости и т. д. Такой праздник проходит, и мы снова возвращаемся на круги своя. Нам же, христианам, не дано возвращаться на круги своя. Будем это помнить. Поэтому церковь и установила такую многодневную длительность праздников. Впрочем, такая традиция сложилась не в христианскую эпоху, а во времена Ветхого Завета. Кто из нас хорошо знает Библию, тот помнит это. Есть главный день праздника, и есть его отдание через семь или иное число дней в зависимости от праздника. У нас же обычно весь установленный срок праздник не отмечается. Пришли в праздничный день в храм или провели его еще как-нибудь благочестиво, а потом, вполне по-язычески, возвращаемся на те же круги своя. В нас должно быть духовное возрастание как на дрожжах. Не случайно Царство Небесное подобно такой закваске, которой квасят все тесто. Вот дополнительный смысл годового церковного богослужебного круга, который надо приложить к тому главному, основному, о котором у нас с вами обычно идет речь. Напомню, что главное в церковном празднике – это устремленность Церкви открыть путь

Жизни вечной новым людям, чтобы исполнять завет Христов: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я заповедал вам». Мы должны быть прежде всего свидетелями Воскресения в нас и через нас, более всего открывающегося нам в Крещении и других таинствах. Это древнейший, сакраментальный смысл церковных праздников. Второй смысл – традиционный, накопительный, тот, о котором я вам рассказал, а третий – дидактический, для тех, кто ранее ничего не знал о Христе. Дорогие братья и сестры, и еще об одном. Сейчас, когда впервые за послереволюционные годы проходит всецерковный съезд православной молодежи, и многие из нас являются делегатами этого съезда, хотелось бы напомнить о том, что в первую очередь молодежь призвана к тому, чтобы проповедовать и проявлять милосердие к людям. Молодежь может делать значительно больше, чем люди пожилые. Во всем мире и во всей истории всегда было именно так. В наше же время молодежь обычно почти ничего в церкви не делает. Очень мало проповедует, потому что сама не научена, сама ничего не знает и очень мало помогает церкви и немощным, больным, старым, инвалидам, многодетным, попавшим в беду, так или иначе, временно или постоянно нуждающимся в помощи. Вот и мы, находясь на этом съезде, к сожалению, констатируем факт, что не собралась еще православная молодежь должным образом. Потом я вам дам полный отчет об этом съезде. Сейчас скажу только, что православная молодежь еще как во сне. Она занимается собой, только своими делами, как в большой степени и все мы. Какой пример мы даем, так ведет себя и молодежь. Наш приход несколько отличается от других. К сожалению, у нас мало пожилых людей, а в других же приходах – другая крайность. Нужно, чтобы в церкви была полнота, чтобы были представлены все возрасты, все духовные типы, тогда легче жить и проявлять себя. Ну и, конечно, хотелось бы, чтобы православная молодежь заявила о себе в особенности. А православная молодежь как определил съезд, – это люди от 16 лет до 30 – 35. Поэтому хочу вам напомнить, что в любом случае наша с вами задача – свидетельство о Свете, просвещение в истинном и глубоком смысле этого слова и дела милосердия. Вот ради этого мы и совершаем церковные праздники, вместе здесь собираемся на молитву. Аминь.

НЕДЕЛЯ О МЫТАРЕ И ФАРИСЕЕ И СВ. РАВНОАП. НИНЫ 26 января Слово на вечерне
Братья и сестры, христиане! В нынешний день вспоминаются Воскресение Христово и притча о мытаре и фарисее, ибо наступила первая подготовительная неделя к Великому посту, отдание праздника Богоявления, вместе со св. равноап. Ниной. Вот сколько в один день воспоминаний. Конечно, как я уже говорил, главное внимание мы уделяем празднику Воскресения, как положено по уставу, а также триодному празднованию в связи с чтением евангелия, притчи о мытаре и фарисее. Также в последний раз в этом году вы услышите и некоторые песнопения, касающиеся праздника Богоявления. Утром я вам уже говорил, что в Москве проходит I съезд православной молодежи, и я рад тому, что от нас на съезде был не один человек, как от других московских приходов, а чуть ли не целая делегация. И наши братья и сестры не просто пришли посмотреть на то, что там делается, а сами внутренне и внешне участвовали в событиях, которые к концу должны быть очень насыщенными (а завтра последний день съезда). Сейчас же мы рады приветствовать в нашем храме одного из активных участников съезда отца Александра Андросова, ректора Костромского духовного училища. Мы будем молиться с ним вместе. Я этому очень рад, потому что нас связывает многолетняя дружба, мы вместе учились в Духовной академии десять лет назад. И сейчас нас связывает совместное служение, совместные дела и устремления. Отец Александр – один из основных помощников правящего архиерея епископа Александра Костромского, который сейчас возглавляет все православное молодежное движение, ибо он был избран его председателем. Итак, будем молиться!

Слово после чтения евангелия Братья и сестры, христиане! Наконец мы с вами достигли радостного для нас момента, когда вновь слышим Господню притчу о мытаре и фарисее.

Кажется, что здесь может быть радостного, ведь Господь говорит эту притчу, никого не хваля, а скорее, обличая, и обличая, как кажется, тех, кто уже раз и навсегда отдал себя Богу, обличая тех, кто не хочет жить, как грешники. Но оказывается, в духовной жизни не все так просто. Мало одного желания жить праведно, мало только знать закон, тот путь праведности, который открыт нам Богом. Наше сердце влечется к этой притче потому, что все мы знаем, что Господь через нее обязательно, хотя бы ненадолго, облегчит наши фарисейские души. Мы знаем это про себя и радуемся этому, мы ждем этого, хотим этого. Ведь мы с вами хотим жить праведно и, живя праведно, пусть не в полной мере, не в полную силу, мы невольно противопоставляем себя тем, кто живет иначе. Мы тоже ставим в центр нашей жизни благодарение Богу и говорим: «Благодарю Тебя, Боже». Мы призываем друг друга к благодарению, чтобы каждый день это делать. Более того, мы с вами утверждаем, с полным на то основанием, что без благодарности в сердце к Богу жить по вере нельзя. И так мы говорим всегда: «Боже, благодарю Тебя». А вот когда надо продолжать это благодарение, то постоянно сбиваемся на путь фарисейства. И в словах или не в словах (подчеркиваю это), но посмотрев вокруг себя, говорим себе, думаем или просто чувствуем, что мы не таковы, как прочие люди, как эти все грабители, обидчики, все эти прелюбодеи, все эти махинаторы. Мы стараемся соблюдать порядок, установленный в церкви; многие, почти все из нас, могут сказать, что мы постимся два раза в неделю, все те же два раза в неделю, как и в древности. Некоторые из нас, в похвалу им, могут сказать, что дают десятину от своих доходов в помощь братьям и сестрам, верующим и неверующим, в помощь церкви, церковным предприятиям и мероприятиям. Нам кажется, что мы знаем слова Нового завета «не обманывайтесь, братья, дурные сообщества развращают добрые нравы». Мы помним эти слова и именно поэтому стараемся от дурных сообществ убежать, уходить. Ну и что же такого плохого мы здесь делаем. Неужели же мы, делая все это, должны приравнять себя, буквально отождествлять себя с фарисеем, ставшим в храм рядом с мытарем. Это большой вопрос. Вопрос действительно, реальный. Те, кто не первый раз в жизни проходят великопостный цикл, ждут, чтобы снова и снова прозвучала эта притча, чтобы она опять нам напомнила о нашем фарисействе и чтобы мы еще и еще постарались хотя бы как-то смирить гордыню самоправедности и увидеть величие своего ближнего. Да, Господь в своей притче говорил о мытаре. Да, Он его похвалил, похвалил очень тонко, не то чтобы абсолютно оправдал его, как иные говорят, нет, но похвалил, сказав, что тот мытарь, который стал вдали, не на глазах у всех, не ради того, чтобы его видели, который не смел поднять свои очи вверх, но говорил Богу: «Будь милостив ко мне, грешному», сей мытарь «пошел оправданным в свой дом более», нежели фарисей, который пришел, исполняя, как ему кажется, весь закон, пришел в храм помолиться и молился таким фарисейским образом. Конечно, «не оправдается пред Богом никакая плоть». Ни мытарь, ни фарисей только потому, что один – фарисей с таким сознанием, а другой – мытарь со своим сознанием, оправданными быть не могут. Требуется что-то большее, требуется ответ Божий на просьбу мытаря. Если кто-то говорит: «Боже, будь ко мне милостивым», то оправдывается он только тогда, когда эту милость, эту благодать получает. А получаем мы ее во Христе и через Христа, в Церкви и ради Церкви, т. е. ради служения Богу и всем ближним. Чтобы это служение совершилось, надо нам вспомнить и последние слова притчи. Господь сказал: «Всякий сам себя возвышающий, будет унижен, а сам себя унижающий, возвысится». Если мы воспримем их как заповедь, как очередной закон, то мы ничего не поймем, что хочет от нас Бог и что открыл он нам через Иисуса Христа, Сына Своего. Ведь всем известно, и уже сказано громко, и многими услышано, что в наше время есть не просто гордый фарисей и смиренный мытарь, в наше время есть гордый фарисей и гордый мытарь. Господом отвергается всякая гордость. Господь не хочет, чтобы люди замыкались только на себе. Нет воли Божией в такой направленности духа человеческого. Да, один человек, более или менее будучи виновным в этом, может быть ближе по своему положению к мытарю, другой – больше к фарисею, но ведь мы можем себе представить и третью ситуацию, когда фарисей может оказаться смиренным, так же как, увы, в наше время часто оказывается гордым мытарем, бьющий себя в грудь и призывающий к себе

Божью и человеческую милость. Не то было плохо, что фарисей соблюдал закон. То было плохо, что он не желал милости от Бога, не желал благодати, думая наивно, что он может достичь своими силами милосердия Божьего, оправдания пред Ним. Плюс к тому, этот фарисей из притчи на самом деле не видел ни Бога, ни ближнего. Они для него на самом деле не существовали просто потому, что они ему были не нужны. Если можно самому сделать то-то и то-то, и всем этим вполне удовлетвориться, то зачем человеку Бог и уж, конечно, зачем ему его ближний. Его можно так или иначе использовать, с ним можно делать общие дела, может быть, иногда, если это выгодно или если закон это повелевает делать бескорыстно, то делать их даже бескорыстно и по закону. Но и все. Итак, воистину великую притчу предложил нам Господь, притчу о том, что мы должны взискать милости, благодати Духа, стать нищими духом, чтобы обрести Небесное Царство. Что может быть больше этого? «Взыщите прежде Царства Небесного и правды его, а остальное все приложится вам», – сказал Господь. Так Господь утверждал мир и радость, и милость, благодатность Небесного Царства. Но утверждал и необходимость для нас искания правды во всей нашей жизни – во всех отношениях с людьми, с обществом, в семье, на работе, в отношениях наших с миром, с природой, в отношении к себе, к Богу, к друзьям, к врагам. Господь так ценит «алчущих и жаждущих правды», что называет их счастливыми, блаженными. Мы, к сожалению, часто не ищем ни Царства Божьего, ни правды его. От нас все время что-то уходит, теряется то одно, то другое. То мы обретаем благодать и радуемся, ни о чем не думая, вплоть до реального риска оказаться беззаконниками, то мы так скрупулезно пытаемся исполнить весь закон, до последней черты, что уже ни о каком Небесном Царстве также не может идти речи. Братья и сестры, христиане! Начинается подготовка к Великому посту. Пусть для нас с вами эта притча Господа станет действенным напоминанием о том, что первое блаженство заключается в нищете духовной, в том, что мы всегда должны ближних своих ставить выше себя, меньше судя о себе. Если бы мы научились вовсе не судить о себе, как это засвидетельствовал апостол Павел, сказав: «Я и о себе не сужу», – то мы, наверное, сразу бы обрели и великое блаженство. Если бы мы могли почитать ближнего своего выше себя, всякого ближнего, особенно в Церкви святых, то мы также обрели бы великое блаженство. Начнем же с этого. Без этого никакой пост не принесет ни радости, ни мира, ни благодати, а значит не будет спасительным, не приведет нас к желанной цели совершенства в Духе Святом, подобном совершенству Отца Небесного. Братья и сестры, именно сейчас, начиная подготовку к посту, вспомним – пост есть дело духовное, всегда духовное. И чтобы нам ощутить великие плоды поста, мы должны будем ощутить их и в себе, и в ближних наших. Если мы увидим эти плоды в ближних наших и в себе, значит мы постились, не увидим, хотя, может быть, не ели, не пили, – не постились. Да не будет этого с нами. Пусть, видя наши добрые дела, люди прославляют Небесного Отца. Пусть нам пост будет прибавлением радости и любви в этом мире. Пусть в нас и через нас прославляется имя Небесного Отца во веки веков! Аминь.

26 января Слово перед исповедью после вечерни

Дорогие братья и сестры! В чем нам больше каяться, в фарисействе или мытарствах наших? К сожалению, наша христианская жизнь слишком еще далека от того, чем она должна быть. Мы с вами говорим об этом, постоянно признаем это. Здесь мы говорим не об идеалах и исполнении их: идеалы никогда не исполняются. Идеал – это то, к чему человек всю жизнь стремится, но чего исполнить не может. Мы с вами говорим о совершенно других вещах, мы говорим о том, к чему мы призваны Господом и чего мы не исполняем, хотя знаем, что делать это, пусть и не в полном совершенстве, все-таки можем. Абсолютного совершенства на этой земле не бывает. Один Господь – Полнота совершенства. Но вот земная полнота совершенства для нас – эта «праведность, мир и радость во Святом Духе», хотя бы в своих начатках, уже должна жить в нас постоянно, всегда. Что этому мешает? Наша теплохладность и наша привычка все сваливать на других. Мол, мы посмотрим, как они вот тут разберутся, как они

то-то сделают, и тогда мы сможем еще посудить, хороши они или плохи. Вот это и есть постоянное в нас стремление отчуждаться от живого дела, а ведь живое наше служение, духовное наше служение уже постоянно должно быть в нас, внутри нас, в глубине нашей жизни. Что сейчас особенно нужно вам напомнить? Мы с вами много говорили на исповедях о самых разных грехах и о том, как их исправлять, и я по лицам вижу, что здесь 95 процентов людей, которые все это помнят, знают. Я не буду повторять все это, скажу только об одном. Наверное самое страшное в нас – это наше расслоение, раздвоение, это наша непоследовательность, нерешительность и страх, совсем не Божий страх. Если бы этого не было, мы бы с вами могли сделать значительно больше, причем везде, не только в храме, не только вокруг храма, но и в семье, и для родных, и для друзей, и просто для всех тех, с кем Господь дает нам радостную, счастливую возможность общаться, встречаться, сотрудничать, в конце концов. Давайте об этом подумаем. Что нам нужно сделать, чтобы обрести подлинное единство внутри себя, в сердце своем? Повторяю, пусть даже это не сразу станет чем-то совершенным. Первохристиане, которые друг друга называли святыми, понимали, что Церковь свята, а Церковь есть все собрание. И при этом первые христиане понимали, что это святое собрание есть собрание еще несовершенное. Они говорили о себе: «Все мы много согрешаем». Да, мы много согрешаем, но мы все вместе – святые, тогда, когда мы в единстве, когда мы образуем эту самую духовную, душевную, всякую целостность. Пусть каждый подумает, что ему мешает иметь более широкое общение, более ответственное служение. Что мешает преодолеть грехи, привычки, все, что препятствует приходу благодати в наши сердца, что выталкивает этот величайший дар из нашего сердца. Дорогие братья и сестры, сейчас мы слышали из евангелия притчу о мытаре и фарисее. Это великая притча. Даже жаль, что она есть только в одном Евангелии от Луки, что никакой параллели нет. Но она удивительна, она целиком в духе Христовой проповеди, и надо думать, что Господь рассказывал Своих притч много больше, чем те, которые мы знаем. Нам надо иметь духовный слух, чтобы слышать слово Господне и жить по нему. Для этого нужна сила духа. Она не может держаться в старых мехах. Наше с вами покаяние – обновление наших мехов, так же, как оглашение. Когда вы проходили оглашение, мы с вами тоже говорили, что ничего не делаем особенного, как только готовим новые мехи для вливания в них вина нового, чтобы не пропало это вино. Давайте собирать со Христом, давайте иметь к Нему дерзновение. Как без смирения невозможно быть христианином, точно так же и без дерзновения. Будем обретать и то, и другое в гармонии. Все что мешает этому, в том будем просить прощения у Господа. Сейчас я обращаюсь просто к вашей совести, ибо нет ничего проще, чем обратиться напрямую к совести человека, так же, как нет ничего проще, чем обратиться к Богу, потому что Он вблизи от каждого из нас, так же как вы сейчас близки друг другу. Но пусть эта близость станет духовным единством в радости, иначе наша христианская жизнь не осуществится. Повторяю, обращаюсь к вашей совести, совести вашей пред Богом, ибо уверен, что все вы здесь знаете, что это значит. Все, что сейчас мешает вам сделать еще один шаг к Богу, отриньте. Может быть, не беритесь сразу за все, что несовершенно в вашей жизни. Начните с самого большого камня, который лег на дороге и не дает пройти. Освободите свою душу от этого камня, от этой тяжести. Как мы чувствуем освобождение духовное, слушая притчу о мытаре и фарисее, потому что она бьет в самый центр, в самое сердце, точно также и сейчас мы должны услышать призыв Божий оставить все и следовать за Христом, взяв свой крест. Нам надо преодолеть нашу расслабленность, а без этого крестоношения, как говорят святые отцы, этого сделать невозможно. Прости нас, Господи, что мы поступали иначе. Пусть же каждый сейчас даст свое обещание пред Богом и своей совестью что-то в своей жизни исправить. Совершенно конкретно, именно то, что мучает вашу совесть сейчас, в этот миг более всего остального. У каждого человека такие вещи есть. И если вы шли сюда подготовленными, если молитва, которую мы сегодня совершали, была для вас истинной молитвой, то этот голос совести в вас прозвучит. И мне остается сказать только одно. Пусть этот голос совести всегда звучит громче. Но главное, поступайте по совести, а для этого и нужно покаяние.

27 января Слово перед утреней

В этом году Пасха очень ранняя. Она совпадает с Благовещением. Мы продолжаем в молитвах вспоминать притчу о мытаре и фарисее. Вчера мы с вами читали ее за вечерней. Кроме того, мы завершаем празднование Богоявления, а также поздравляем всех Нин, потому что сегодня память святой равноапостольной Нины, что для нас в наше время особенно замечательно, потому что есть, к сожалению, сейчас люди, которые считают, что коли женщинам в церкви лучше молчать, то им вообще лучше молчать, в то время как сама Церковь нам говорит о другом. Такие святые, как равноапостольная мученица Нина, – замечательный пример того, как женщины в Церкви могут раскрыться не только в обычных для них сферах деятельности и служения, но даже в апостольском подвиге проповеди, проповеди всем, целому народу. Это для нас очень важно, чтобы мы никогда не шли против опыта Церкви, не сужали христианское учение. К сожалению, часто, ради каких-то умозрительных концепций, люди идут на такое суживание христианства и свои мысли выдают за учение Церкви. Поэтому нам с вами так важно вдумываться во все то, что предлагает Церковь. Посмотрите, мы празднуем память не просто одной из святых жен, а это – равноапостольная святая. Конечно, в истории немного таких примеров, это правильно. Но это и естественно. Мы понимаем, что было бы странно, если бы апостольством в основном занимались женщины, и тем не менее то, что мы сейчас называем на богословском языке «апостолатом мирян», в том числе «апостолатом женщин», находит подтверждение в церковной истории, православной церковной истории. Сегодня мы все это будем примечать для себя с тем, чтобы принести Богу истинный духовный плод.

Слово после 1-го воскресного евангелия на утрене Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Сейчас мы слышали последние строчки Евангелия от Матфея. Как раз о том, что случилось после Воскресения Христова. Вы помните, как Господь говорил ученикам Своим, что Он предварит их в Галилее. Вот они и пошли в Галилею, куда повелел им Иисус, на гору. Пошли все одиннадцать, ведь двенадцатого – Иуды – уже не было. И там на горе они увидели Господа. Но как они могли видеть Его? Господь явился им в духовном теле, в теле воскресшем. Он явился им истинно. И для того чтобы увидеть Его, хотя Он был, повторяю, в теле, а не призрак, не просто дух, нужно было иметь не просто плотские очи. Поэтому далее в евангелии и говорится, что одни ученики, увидев Его, поклонились Ему, но некоторые, из тех учеников, кто был вместе с одиннадцатью, усомнились. Усомнились, а не видят ли они просто духа или мираж, видение. Сомнение такого рода могло произойти только от маловерия, от того, что свет веры и сила Духа Божьего еще были слишком слабы в них. И я хотел бы подчеркнуть, что это говорится не просто об иудеях, живших там, в Галилее, а о тех, которые уже уверовали, которые уже знали, что Иисус и есть Мессия, что Он Христос, Сын Бога живого. Для нас с вами это урок. Если уж Сам Господь, явившийся Своим ученикам на Галилейской горе, не мог быть ими одинаково узнан и признан, то как бы нам тоже не оказаться столь слабыми по вере, по любви, по духу, что исходящее от Бога, явленное Христом, будет для нас неубедительным. Для того чтобы этого не произошло, нам нужно очистить свое сердце. Нам нужно покаяние, дополнительно к тому единственному, уникальному Покаянию, которое каждый из нас приносил или в день своего Крещения, или потом, подтверждая в полноте это таинство. Нам это покаяние нужно. Оно нужно, чтобы найти свет Веры, свет Любви, чтобы не оказаться среди тех сомневающихся, которые готовы были отступить от великой горы Богоявления. А вы уже, наверное, понимаете, что то явление Христа ученикам на горе было Богоявлением во Христе, когда через Христа открывался людям Бог – Бог как Свет, Бог как Любовь, Бог как Святой Дух. И вот тем, кто не усомнился, Иисус, приблизившись, сказал: «Мне теперь дана вся власть» – и значит, вся слава, вся сила Света и Любви, во всем мире, на небе и на земле. (Вы знаете, что «небо и земля» в Библии это идиоматическое выражение, которое синонимично универсуму и означает весь мир, всю вселенную.) Во всем мире открывается теперь власть, слава, сияние власти Божией во Христе. И поэтому, если мы сами открылись этой славе, этой

силе, если мы исполняем ее, то можем принять и следующее повеление Господне: «Итак, идите!» Идите же, Господь к вам приблизился, Он рядом с вами, Он в вас. Идите, идите по всему миру, идите ко всем народам, без всякого исключения. Идите, научите их, огласите их словом Евангелия, крестите их во имя Отца и Сына и Святого Духа, дайте и им возможность впитать в себя всю полноту славы пребывания в Боге. Крестить – значит погрузить, и значит, всем людям надо погружаться в благодать Отца и Сына и Святого Духа. Но и после этого надо продолжать учить, учить людей так, как учил апостол Павел своих учеников, как учились мы в Церкви, как мы учили друг друга, дорогие братья и сестры. И здесь можно снова вспомнить равноапостольную Нину, которая тоже шла с этим научением, с этой благодатью, исполняя слово Христово. Итак, мы должны быть научены, крещены и подготовлены к тому, чтобы соблюдать все, что Христос повелел нам. И удивительно, как человек вообще может не исполнять повелений Божьих? Кажется, если у Бога вся власть и вся сила, то как же человек, узнав о повелении Бога, может не исполнять их? Ведь если он узнает о приказе какого-нибудь начальничка, правителя, который касается его лично, то он, оставив все, побежит исполнять, вдобавок десять раз поклонившись. А здесь Сам Бог повелевает, а люди часто не исполняют. Мы знаем, конечно, эту тайну. Мы знаем то, что у Бога, как и в Церкви, нет иной власти, кроме власти Любви. А власть Любви не насилует никогда и никого. Мы боимся насилия и поэтому боимся внешней власти, а Бога часто не боимся. Но это говорит только о том, что мы еще недостаточно просвещены, еще недостаточно укреплены в Вере, ибо «все возможно верующему». Так и Христос говорит другими словами: «Я с вами во все дни, до скончания века». Аминь.

Протопресвитер Виталий Боровой: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение»

Проповедь

8 января 1986 г.

Этот день – второй день праздника Рождества Христова – в церковном богослужебном обиходе называется собором Пресвятой Богородицы. Собор не в смысле здания, церкви, а собор в смысле собрания, от глагола «собирать». Издавна, с древних времен, на следующий день после празднования Рождества Христова святая Церковь созывает верующих на собрание, на собор, чтобы восхвалить и прославить Пресвятую Деву Марию, из Нея же воплотился Младенец и наш Бог Иисус Христос. Так как это второй день праздника, то повторяется служба вчерашнего дня – Рождества Христова.

Дорогие братья и сестры, в тропаре праздника «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума...» заключается для нас большой смысл. В нем мы провозглашаем перед всем миром пришествие на землю Господа Иисуса Христа, Его божественное воплощение. Его естество как человека возсияло всему человечеству как свет разума.

Таким образом, христианское благовестие – это не только весть о спасении, весть о вечной жизни, но христианское благовестие, христианская вера есть также торжественное провозглашение царства разума, но разума, освещенного светом незаходящего Солнца – Господом нашим Иисусом Христом. Церковь никогда не отвергала разума, церковь никогда не отвергала и науки, ибо величайший разум, наука всех наук всего мира – это и есть благовестие

Христово, принесенное на землю Господом и возвещенное людям.

Дорогие братья и сестры, в этот день, в этот праздник, провозглашая торжество разума, освещенного солнцем правды Христовой, мы всегда повторяем песнь, воспетую ангелами и переданную затем пастырями всем людям, ибо они были первыми свидетелями и провозвестниками этой вести: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение».

Церковь всегда несла в себе учение о мире, всегда молилась о мире и всегда провозглашала мир между людьми. Дорогие братья и сестры, в этой ангельской песне заключаются все элементы, все части, необходимые для того, чтобы на земле царствовал прочный мир, – мир между людьми, – мир, который принесен на землю Господом Иисусом Христом. «На земле мир»- но перед этим обязательно «слава в вышних Богу», ибо мир на земле это прежде всего мир человека с Богом. В первую очередь мир означает прославление Господа, воздаяние славы Богу, славы в вышних Богу. Тогда и на земле мир.

Однако при этом необходимо, чтобы возглашался не только мир внешний, но чтобы изменилось и внутреннее строение человека, чтобы все люди преисполнились друг ко другу благоволения – доброго, братского, любовного, мирного настроения. Если этого не будет, то ни один мир не может быть прочным, потому что люди его исказят, люди его ниспровергнут, превратят во взаимную вражду, ненависть и постоянную угрозу друг для друга. Таким образом, дорогие братья и сестры, мы, чада Церкви Христовой, церкви нашей русской, всегда искренне молимся о мире и от всего сердца участвуем во всем том, что наш народ, люди доброй воли делают для сохранения мира, для утверждения его. Да, мы люди мира, да, мы всю свою жизнь посвящаем утверждению, провозглашению, проповеди и молитве о мире.

Итак, недостаточно будет, дорогие братья и сестры, если мы придем домой в наши семьи, на места нашей работы, общественной деятельности и будем провозглашать мир, а сами будем полны злобы, вражды, зависти, и душа наша будет кипеть борьбой против ближнего своего, против членов нашей семьи, родственников наших, чем-нибудь нам неугодным, против наших соседей, против наших братьев по работе. Дорогие братья и сестры, мы должны ясно понимать, что мир есть основа жизни, но мир требует «славы в вышних Богу», и мир накладывает на нас, тех, кто молится за мир, тех, кто провозглашает мир, на нас, верующих православных христиан, обязательства явить в жизни нашей мир. Мало говорить нам, что мы за мир в Африке или в Австралии, а надо дома, в семье своей, с соседями, братьями по работе и везде, где мы сталкиваемся с людьми, мы должны показывать, что в наших сердцах царствует мир, что в них – благоволение.

Конечно, дорогие братья и сестры, вы вправе спросить, а как у меня самого, царствует ли это благоволение? Говорить об этом легко, а осуществить на деле очень трудно. Вера и разум наши диктуют нам: да, ты должен любить, да, ты должен быть полон благоволения, но иногда злое начало, которое живет в каждом из нас, «от нихже первый есмь аз», заставляет человека кипеть. Человек раздражается и еле сдерживает себя и в конце концов, может быть, сожалеет об этом, а проявляет при этом далеко не мирное отношение к ближнему.

Поэтому, дорогие братья и сестры, когда в душе берет верх злое начало и когда оно воюет против нашего мирного настроения, мы должны вспоминать, кто мы. Мы не просто живем для себя, как люди, которые что решили, то для них и закон, нет, мы должны не забывать, что мы христиане, верующие, православные. Мы провозглашаем это в церкви и у себя дома, поэтому в таких обстоятельствах нам надо научиться сдерживаться, даже если в душе мы и не питаем большой любви к другому, который нас раздражает и нам неприятен.

Очень трудно нам, грешным, достичь такого совершенства. Даже если в душе у нас и нет такой совершенной любви, то наша обязанность состоит в том, чтобы заставить себя призвать свои чувства к порядку, вспомнить, что я христианин, вспомнить, что верю, вспомнить, что я провозглашаю мир, а значит, я должен быть примером для других и уметь подавлять в себе чувство озлобления. И тогда, обращаясь к Богу с молитвами, в надежде на то, что он простит нам наше окаянство, мы сможем повторять: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человецех благоволение».

Господи, молитвами Пречистой Твоей Матери дай нам, чтобы мы видели торжество мира во всем мире, но видели торжество мира и в нас и чтобы всегда это происходило во славу Божию.

Слава в вышних Богу и на земле мир!

Аминь.

Оливье Клеман: Тема личности в Священном писании

Богословие и философия

В мае 1991 г. О. Клеман прочитал в Москве три лекции, посвященные теме «личности в Церкви». Благодарим его за данное нам право их публикации. Здесь мы публикуем первую лекцию, надеясь в следующих номерах поместить остальные. (Прим. ред.)

Так получилось, что наша встреча выпала на время Пасхи, на время Воскресения Христова. Это заставляет меня думать о воскресении Православной церкви в вашей стране. О себе я говорить не буду, вам, наверное, что-то уже рассказывали. Хочу только сказать, что христианином я стал (при этом я не был крещен в детстве) благодаря великим свидетельствам русского Православия. Помню, как в возрасте 17-18 лет я был поражен романами Достоевского и книгами Бердяева. Мне выпало счастье знать некоторых русских философов, живших в эмиграции, например Владимира Лосского. Они открыли мне отцов Церкви, а Русская православная церковь, ее традиции неотделимы от святоотеческой традиции и Византии. Сегодня я буду говорить о теме личности, которую можно назвать центральной темой в христианстве, основываясь на текстах Священного писания. На самом деле говорить о личности в Библии практически невозможно, настолько это широко и необъятно.

Поэтому я выделю несколько основных моментов, несколько точек зрения: единую концепцию человека в Библии, тему имени, тему духа, души и разума и тему сердца. И завершится это рассмотрение некоторыми соображениями о теме личности в Евангелии. Итак, сначала о единой концепции человека. В древнееврейском языке слова «тело» практически не существует, этот язык «отказывается» различать, разделять видимое и невидимое. Человек – это прежде всего «живая душа», и когда евреи говорят о теле, они говорят об оживленной плоти. В начале книги Бытия мы читаем: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт 2,7). Поэтому нет никакого противопоставления, никакого дуализма души и тела. Человек не «имеет» душу (если употребить глагол «иметь»), он «есть» душа и он «есть» тело. Я не вижу, не замечаю тела, которое содержало бы душу, но я вижу живую душу. И эту душу я вижу и замечаю как раз потому, что она воплощена. И я думаю, что вы сможете найти примерно те же самые мысли у отцов Церкви, которые говорили, что человек имеет христианскую (подобную Христу) структуру. Христос соединил небо и землю, а человек соединил видимое и невидимое. Отцы

говорят, что человек – это граница. И ставят иногда человека выше ангелов, говоря, что ангелы – только в духовном мире, в то время как человек соединяет духовный мир и земной мир. Когда в Библии идет речь о чувствах, о страданиях и страстях, о так называемой нами психической или психологической реальности, то на древнееврейском языке она означает плотскими понятиями. Например: моя душа алчет, моя душа жаждет, мои внутренности взволновались, моя утроба возрадовалась. Господь призывает утробу и сердце. Можно сказать, что древнееврейский язык – язык Библии, даже в греческом переводе семидесяти, имеет как бы привкус плоти как раз потому, что в ней есть оттенок одухотворенности. И в то же время союз мужчины и женщины называется познанием: одна живая душа познает другую живую душу, нет того тела, которое бы разъединяло их; если оно их разъединяет, то это ложно. И здесь мы приближаемся к следующей теме – теме имени. Тайна личности незаметно появляется в имени. Имя – это то знание, которое есть у Бога по отношению к каждому человеку. «Я знаю тебя по имени» (Исх 33, 12, 17); «до твоего появления в утробе матери твоей, Я знал тебя» Это цитаты из Ветхого завета (Иер 1, 5) «Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя». Тема имени означает, что Господь называет, именуется каждого, давая жизнь каждому. Иисус говорит: «... Имена ваши написаны на небесах» (Лк 10, 20). В Апокалипсисе сказано, что мистическое, сокровенное имя каждого написано на белом камне. Однажды Константинопольский патриарх Афиногор сказал мне: «Христос не любит людей в общем. У Него есть друзья. Перед страданиями Он идет повидаться со Своими друзьями: Марфой, Марией, Лазарем». И он посмотрел на меня как-то особенно и продолжил: «Но у Него есть друзья, которых Он предпочитает. И это как раз означает то, что Он предпочитает каждого». В книге «Я и ты», написанной религиозным философом Мартином Бубером, говорится, что человек существует как ответ на призыв Бога. Бог пробуждает человека как личность, пробуждаясь при этом Сам как Личность. Поэтому мы и говорим, что человек – это образ Божий. Не надо понимать слово «образ» в неподвижном или статическом смысле. Можно перевести выражение «образ Божий» как «Божий призыв». Бог зовет каждого по его имени; это то самое имя, которого мы не знаем, которое знает только один Бог. Это то имя, которое мы ищем в любви в течение всей нашей жизни. Например, когда человек становится монахом, ему дают новое имя. Но это имя только предшествует открытию того имени, которое дает нам Сам Господь. Сейчас я хотел бы обратиться к одной очень важной и в то же время странной книге Ветхого завета – книге Иова. Я вспоминаю размышления Николая Бердяева, говорившего, что атеизм XIX века в России подобен атеизму в Западной Европе и, может быть, даже более радикален. Западная Европа исповедовала атеизм, используя языческие, античные понятия; например, Ницше говорил о дионисийстве, а Фрейд – о буддизме. В то время как в России, говорит Бердяев, когда кто-нибудь исповедует атеизм, он восстает против Бога, одновременно сохраняя связь с Ним. И это даже не атеизм, а как бы анти-теизм. И это одна из самых сильных и существенных сторон в произведениях Достоевского. Однажды, когда Достоевский ребенком был в церкви в начале Великой, Страстной седмицы, там читали большой отрывок из книги Иова. Он стоял и плакал. Он был очень сильно тронут протестом против кого-то, хотя это был протест против судьбы, такой безличностный протест. Иов страдал из-за существования зла, но он ни о чем другом не говорит – он говорит о Боге. И поэтому вместо того чтобы молчать, он кричит, он восстает, он обращается к Богу, он Его обвиняет, обращается к Нему на «Ты»: «Почему Ты заставил меня родиться?» И с этим странным Богом, к Которому Иов обращается на «Ты», начинает устанавливаться связь, взаимоотношения, промысел. Этот странный Бог интересуется мной. Иов спрашивает: «Почему же Ты заставляешь меня страдать?» И это «почему» Иова разрушает мир и строит взаимоотношения, связь вне мира. Невозможно объяснить зло как-нибудь технически, сегодня, например, какими-нибудь методами психоанализа. Зло – это не какая-то мировая пропасть, которую можно обойти или перейти, используя достижения человеческой науки, это – разрыв, разъединение. И вне мира, за его пределами, есть Некто, Кто меня ищет, Кто, как люди иногда говорят, заключает в Себе «счастливый случай», Кто заставляет человека сосредоточиться на

Нем в напряжении. Даже зло здесь существенно. Меня не могут забыть, я не могу потеряться на этой земле. Я разделен с миром, я не погружен в этот мир. Но я в руках Того, Кто много думает обо мне, Кому я интересен, даже если это выражается каким-нибудь ужасным способом. Я больше не вижу себя частицей этого мира; я нахожусь лицом к лицу с Тем, Кто меня ищет. И пробуждение личности происходит во время этой встречи. Личность – это всегда ответ. И в конце концов Иов высказывает одну очень странную интересную мысль, он говорит: «Я заключил плоть мою между зубов» (см. Иов 19:20). В этом протесте я стал вне этого мира, я все оставил в стороне – мою плоть, мое тело, мою жизнь, мою силу воли, мои желания этого мира... Третья тема – тема духа. Дух по-древнееврейски «руах», что в древнем переводе семидесяти, сделанном в Александрии между III и II веками до н. э., переводится как «пневма», т. е. «дух». Это очень интересная и красивая легенда – почему этот перевод Библии на греческий язык называется «переводом семидесяти». Говорят, что было семьдесят очень мудрых и ученых людей, кажется, их было даже семьдесят два, которых поместили в семьдесят две отдельные комнаты. И через два года каждый принес свой перевод Библии. И когда сравнили их переводы, то оказалось, что они совершенно одинаковые. Чудо. И обычно все цитаты из Ветхого завета берутся в переводе семидесяти. Там это слово «дух» может употребляться как для обозначения духа человека, так и для Духа Божия, Святого Духа. Можно сказать, что там человек как дух, что дух человека – это весь человек в целом, который открывается навстречу Духу Божьему. Это как раз те взаимоотношения «я – ты», о которых я только что говорил. Дух человека совсем не противопоставлен его плоти. Дух человека – это некая форма человеческой сущности, человеческого существования. Человек может быть духовным даже в своем теле, и он может быть плотским в своем духе. Великий французский писатель-философ Бернанос говорил, что самые «опасные» христиане – это умные христиане, если их ум – плотский. Когда мы читаем послания св. апостола Павла и встречаем там слово «дух», то никогда нельзя сказать точно – это дух человека или Дух Божий, потому что на самом деле дух человека – это всегда соучастие в Духе Божьем. Когда апостол Павел говорит нам о воскресении мертвых, он противопоставляет тело духовное и тело душевное. Он говорит, что тело душевное – это тело первого Адама, а Христос – Тело Духовное, и в Нем человек может стать телом духовным. Поэтому все великие христианские добродетели не восходят к душевному, но к духовному, к «дыханию духа». Я хотел бы немного поговорить о концепции веры св. апостола Павла. Вера – это не нечто душевное; психический анализ может объяснить то, что окружает веру, что упрощает ее, что есть так называемый контекст веры. Психоанализ описывает то, что само еще не является верой. Вера – это встреча, это ответ личности на скрытое присутствие Личности. Это можно уподобить отношениям личной дружбы. И я думаю, что основным принципом христианской духовной жизни можно назвать умение различать душевное и духовное. Вот почему, например, можно использовать психоанализ для выявления отрицательных душевных моментов, состояний. По отношению к социологии, конкретнее, Н. Бердяев говорил о марксизме, что не существует правды классов, но есть ошибки классов. И психоанализ может нам как раз показать ошибки, но ничего не скажет об истине. И, в конечном счете, я думаю, что лучше всего может выразить личность, описать реальность духа икона. Икона стремится отобразить сокровенное лицо человека, то лицо, которое мы можем лишь предчувствовать, предугадывать, ощущать в доверительных отношениях, в дружбе, в терпении. Или, например, когда человек умирает, тогда его лицо выражает удивительный мир. Когда человек уходит в мир иной прежде, чем его тело станет прахом, тогда проявляется тайна личности. В Библии невозможно отделить тему духа от темы сердца. Сердце в Библии – это место битвы, место принятия решений, место духа и разума, а не только место чувств, как мы к этому привыкли. Например, в одной псалме говорится, что Господь «знает тайны сердца» (Пс 43:22), а в Послании к Евреям св. апостола Павла мы читаем: «Ибо слово Божие живо и действенно, и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помысления и намерения сердечные. И нет твари сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его. Ему дадим отчет» (Евр 4, 12-13). А для св. апостола

Иакова корень греха – двоедушие, разделение сердца. Поэтому в псалме говорится: «Господи, скрепи сердце мое» (Пс 25:2). В Евангелии появилось одно слово, о котором много говорили и которое можно перевести как «дурные мысли» или «дурные помыслы». Вы, конечно, помните этот диалог Иисуса с книжниками и фарисеями, которые обвиняли Господа в том, что Он не соблюдает законов чистоты, чистоты по отношению к пище. Например, Христос ел за одним столом с грешниками, раввин никогда бы этого не сделал. Ученики Христа не мыли рук перед едой, и Господь отвечает: «Не то, что входит в уста, оскверняет человека; но то, что выходит из уст, оскверняет человека» (Мф 15, 11), то есть то, что исходит из сердца человека – это мысли, предположения. И эти мысли, появившиеся бессознательно, эти импульсы, зародыши страстей приводят нас к «дурным помыслам» о блуде, прелюбодеянии, гневе, обмане, богохульстве. И у св. евангелиста Марка все это перечисление кончается очень существенными словами: гордыня и безумие. Для аскетов гордыня и стяжательство – это те две страсти, которые порождают все остальное, то есть каждую минуту мы должны приспособлять весь мир к самим себе, что легко приводит к безумию. В Библии есть особые, интересные слова, вошедшие в аскетический православный традиционный словарь, это, например, «сердце твердое, жесткое как камень», ибо «они ожесточили свои сердца, как алмазы», как говорит пророк Захария (7:12). Смысл в том, что сердце пробивается через что-то твердое, что его обволакивает. И тогда можно себе представить два образа: образ непреступного сердца в твердой оболочке, или представить сердце как антенну, воспринимающую сигналы внешнего мира. И если эта антенна будет заэкранирована твердой оболочкой, то она не сможет больше принимать сигналы. Другой образ восходит к гадаринскому бесноватому из Евангелия. Когда Господь изгоняет беса из этого человека, Он спрашивает: «Как тебе имя?», и тот отвечает – «легион». И в этот момент обволакивающая оболочка лопается. Если сердце человека становится каменным, затвердевает, то Господь его разбивает. «Я разобью оболочку ваших сердец», – говорит Бог через пророка Осию (13:8). Тема сокрушенного сердца часто встречается в Ветхом завете: «Раскройте ваши сердца, разорвите оболочку ваших сердец, а не вашу одежду», и тогда Господь говорит: «Я дам вам новое сердце. Я поставлю вас прямо и вдуну в вас новый дух. Я выну из вашего тела каменное сердце и дам вам плотяное сердце. И Я вдуну в вас от Моего Духа» (Иез 11:19; 36:26). И только в таком надтреснутом, обрезанном сердце обитает Дух Божий. И когда Дух Господень войдет в сердце человека, тогда человек обретет истинный ум, разум. Вот почему в мистической традиции Православия говорят, что нужно соединить сердце и ум, чтобы создать «умное сердце», которое позволит вновь почувствовать Бога и предчувствовать тайну существования вещей. Теперь я хотел бы сказать несколько слов о теме личности в Евангелии. Можно сказать, что Христос разрушает естественную физическую оболочку «чистого» и «нечистого», чтобы поставить на первый план личность и единение личностей. И Он избличает два огромных соблазна человека, являющихся проявлением двух грехов: соблазн иметь врагов, чтобы выплескивать на них свой гнев и отчаяние, и соблазн иметь рабов, чтобы чувствовать себя богом. Человек как бы бежит от своей ограниченности, от лица смерти. Кто не отрицает врагов, тот не отрицает и рабов. И как трудно бывает понять заповедь Христа «люби своих врагов», данную Им в Евангелии, – заповедь, которой Он Сам следовал вплоть до креста. «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк 23, 34). И можно любить врагов, когда смерть, тоска, отчаяние вытесняются изнутри Воскресением. И больше нет необходимости в позе отпущения. Это единственно возможный выход в судьбе личности и в судьбе истории, разрыв цепей смерти и насилия. «Кто взял меч – от меча и погибнет» (Мф 26:52; Отк 13:10). Иисус отказывается быть царем в понимании царя земного; что принадлежит Богу, то – Божие. Человек – это образ Божий, человек как личность, как тайна и как любовь. Мне кажется, что именно здесь Христос открыл простор для свободы духа, перекрещивая царство кесаря Царством Божиим, перекрещивая историю Ирода и Пилата историей Блаженств. Христос приносит с Собой в историю (это одновременно и рана и зародыш) откровение о непреодолимой, бесконечной личности и о всем человечестве в каждой личности. Это как раз то новое, что отличает Евангелие от Ветхого

завета. Вспомните слова Христа из Евангелия от Иоанна, в которых Он призывает человека быть единым, как Мы едины. Это означает, что каждый несет в себе все человечество. Иисус просит своих учеников преобразовать власть и могущество в служение. В Евангелии от Луки Он говорит с большой иронией: «Цари господствуют над народами и владеющие ими благодетелями называются. А вы не так, – кто из вас больший – будь как меньший и начальствующий – как служащий. Ибо кто больше – возлежащий или служащий? не возлежащий ли?, а Я посреди вас, как служащий». (Лк 22, 25–27). Христос часто приводит в пример самарян, то есть людей ненавидимых и презираемых. Например, притча об избитом человеке, брошенном у дороги. Священник и левит проходят мимо, перейдя на другую от него сторону, а презираемый самарянин начал заботиться об этом человеке. И та женщина, с которой говорит Христос у колодца Иакова, самарянка (если я не ошибаюсь, то это Евангелие прошлого воскресенья). И именно ей открывает Господь поклонение в Духе и Истине, хотя она и не просто самарянка, но блудница, потому, что у нее было пять мужей, и тот, с которым она сейчас живет, – не муж ей. Иисус разделяет трапезу с сомнительными людьми, обращается к таким женщинам, с которыми не было принято общаться в то время в Израиле, Он позволяет детям приходить к Нему. И Он всегда «идет» к сердцу человека, к личности, Он открывает лицо под маской. Он идет навстречу грешникам: «не здоровые нуждаются во врачах, но больные..., ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников» (Мф 9:12–13). Сердца мытарей и блудниц обращаются, чтобы первыми войти в Царство Божие. Важные и занятые люди не могут прийти на брачный пир, когда их пригласили. И тогда Хозяин дома зовет тех, кто бродит по дорогам, больных и бедных, но при одном условии: если они оденут брачные одежды, если они оденут свои сердца в одежду признательности и радости перед этим незаслуженным приглашением. Можно сказать, что Господь обращается к самому истоку закона, к творящей, созидающей Любви. Христианство можно назвать религией призыва, обращения. Призывы Господа не создают нового закона; это – жизнь, огонь, вдохновение, открытость Духу. Следовательно, закон одновременно и превзойден, и пройден; и, в конечном счете, он опирается на единственную реальность, провозглашенную в Евангелии, на личность и единение личностей. Вы, конечно, помните это удивительное выражение: «суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк 2:27). Благодать мерою не измеряется, кто придет к одиннадцатому часу получит столько же, сколько и тот, кто придет первым. Но благодать вызывает в человеке ответ, доверие, веру; Сама Жизнь Христа, Дух Божий поднимается в нас. И сейчас говорится только о том, чтобы сбросить мертвую кожу, чтобы отбросить все то мертвое, что мешает нашей жизни, все то, что препятствует нашим истинным порывам. Вспомните, какой вопрос задают Господу перед притчей о добром самарянине: «А кто мой ближний?» И Иисус рассказывает притчу, о которой мы только что вспоминали, и Он изменяет вопрос: кто показал себя ближним? Можно сказать, что Бог во Христе – это наш Ближний, чтобы мы смогли бы в свою очередь не потерять ближнего в своем сердце. Господь призывает нас быть милосердными «как и Отец ваш милосерд» (Лк 6:36). И это – безумная любовь Бога к человеку, как говорят об этом отцы Церкви, например прп. Максим Исповедник. И эта безумная любовь заслуживает всего с нашей стороны и становится в нас бесконечным источником вдохновения. В начале Второй мировой войны во Франции жила одна женщина, по происхождению еврейка, но встретившая Христа совершенно необычайно. Ее звали Симона Вейль. Когда она жила беженкой на юге Франции, она познакомилась и начала переписываться с одним поэтом, который получил ранение в 1918 г., приносившее ему большие страдания. Он писал ей очень красивые письма, и в одном из них он написал: «Благодать, о которой я все время прошу, – это знать, что другие существуют». И я думаю, что эта безумная любовь Бога к нам дает нам способность знать, что другие существуют. Мы отказываемся ограничивать их своими умозрениями, выносить суждения о них. «Не судите, да не судимы будете». И этим способом мы как бы входим в безумное великодушие Бога. «Давайте, и дастся вам, ... ибо какою мерою мерите, такою же отмерится и вам» (Лк 6:38). И, конечно, в этом объяснение заповедей Блаженств. Можно сказать, что заповеди Блаженств

описывают Самого Христа и Его взаимоотношения с каждой личностью. Личность Христа и судьба Христа – это и есть проявление Блаженств. И когда мы слушаем заповеди Блаженств, у нас складывается впечатление, что мы никогда не сможем их исполнить, и это призывает нас к смирению и доверию. Не будем самовольно пробовать реализовать эти заповеди, но предадим себя Тому, Кто их Источник и Место, Кто говорит: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас». И в заключение я хотел бы привести два высказывания, которые взаимосвязаны и в которых резюмируется вся судьба личности: «Верую, Господи! помоги моему неверию!» (Мк 9:24), и слово св. апостола Павла: «...И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал 2,20).

Лекция 2. Тема личности по греческим отцам Церкви

Лекция 3. Личность по учению русских философов XIX-XX вв.

: Послание к Галатам св. апостола Павла. Новый перевод с греческого священника Леонида Лутковского

Библеистика

Глава 11 Павел, апостол не людьми избранный и не человеком призванный, но Иисусом Христом и Богом-Отцом, воскресившим Его из мертвых,^{2а} также все братья, которые со мною, – церквам Галатии.³ Да пребудет с вами благодать и мир Бога-Отца и Господа нашего Иисуса Христа,⁴ принесшего Себя в жертву за грехи наши, дабы избавить нас от этого мира зла, во исполнение воли Бога и Отца нашего,⁵ Которому слава во веки веков! Аминь.⁶ Меня удивляет, сколь поспешно вы ради другого евангелия отказались от того, которое призывает вас к благодати Христовой;⁷ однако другого вовсе не существует, а если что-то и существует, то лишь несколько людей, которые, извращая Евангелие Христово, хотят обмануть вас.⁸ Но если бы мы или даже ангел с небес стал благовествовать вам противоположное тому, что мы проповедовали вам, – да будет он отлучен!⁹ Как мы прежде говорили, так и теперь я вновь скажу: если кто-нибудь проповедует вам противоположное тому, что вы приняли от нас <Слова, напечатанные курсивом, приведены для ясности и связи речи.>, – да будет он отлучен!¹⁰ Людям ли теперь я повинуюсь или Богу? Разве людям я стремлюсь угождать? Ведь если бы я людям угождал, я не был бы рабом Христовым.¹¹ Так вот, объявляю вам, братья: Евангелие, которое я проповедовал, не человеком создано; ¹² я не людьми был обучен, и не от них принял его, а в откровении от Иисуса Христа.¹³ Вы, конечно, слышали о моем образе жизни, когда я был в иудейской вере; как враждебно я относился к Церкви Божьей и неустанно преследовал ее,¹⁴ будучи ревностным приверженцем древних обычаев нашей иудейской веры, в чем превзошел многих своих сверстников.¹⁵ Когда же Бог, Который избрал меня еще в утробе матери моей, призвал <Ис 49,1.> меня благодатью Своею и благоволил ¹⁶ в откровении явить мне Сына Своего, повелев проповедовать о Нем язычникам, я не стал тогда обращаться за помощью к людям,¹⁷ и не пошел в Иерусалим к тем, которые прежде меня стали апостолами, а отправился в Аравийскую пустыню, после чего возвратился в Дамаск.¹⁸ Только через три года пошел я в Иерусалим, чтобы встретиться с Петром, и пробыл я у него дней пятнадцать;¹⁹ ни с кем из других апостолов я не виделся, кроме Иакова, брата Господня.²⁰ – Клянусь Богом, я не выдумываю то, о чем пишу! –²¹ Затем я пошел в Сирию и Киликию.²² Церквам же Христовым в Иудее так и остался неизвестен;²³ они только слышали, что тот, кто прежде преследовал их, теперь проповедует веру, которую прежде отвергал,²⁴ и

славили Бога за это. **Глава 21** Затем, через четырнадцать лет, я вновь вместе с Варнавой отправился в Иерусалим, взяв с собою и Тита. 2 Пошел же я по вдохновению свыше; там я изложил всем, – а наиболее почитаемым наедине, – суть благовестия, которое я проповедую язычникам, полагая, что я не напрасно подвизаюсь или подвизался. 3 Тем не менее Тит, который был со мною, будучи эллином, не принуждался совершить обрезание. 4 Что же до вкравшихся лжебратьев, которые, желая поработить нас, тайно приходили понаблюдать за нашей свободой, которую мы имеем во Христе Иисусе, 5 то мы ни на миг не уступили их требованиям, дабы сохранилась у вас истина Евангелия. 6 Что же до тех, кто наиболее почитаем, – кем они были в прошлом, мне безразлично, поскольку Бог относится к людям без лицепрятия, – так вот, наиболее почитаемые ничем не обременили меня, 7 но, напротив, видя, что мне вверено благовестие для необрезанных, как и Петру для обрезанных, – 8 Ибо Тот, Кто содействовал Петру в его апостольстве среди обрезанных, содействовал и мне у язычников, – 9 и узнав о благодати, данной мне, Иаков, Кифа и Иоанн, почитаемые столпами Церкви, заключили со мной и Варнавой соглашение: нам проповедовать среди язычников, им – среди обрезанных, 10 только чтобы мы помнили о нищих; именно это я и стремился всегда исполнять. 11 Когда же Кифа пришел в Антиохию, он подвергся нареканиям, и я открыто обвинил его, 12 ибо до прибытия нескольких посланцев Иакова он сотрапезничал вместе с язычниками, а когда те пришли, он стал скрываться и сторониться язычников, опасаясь обрезанных, 13 Лицемерили вместе с ним и другие иудеи, так что даже Варнава был введен в заблуждение их лицемерием. 14 Но когда я увидел, что они отступают от истины Евангелия, я при всех сказал Кифе: если ты, будучи иудеем, живешь по языческим обычаям, а не по иудейским, то почему язычников принуждаешь исполнять иудейские обычаи? 15 Мы по рождению иудеи, а не грешники из язычников; 16 однако, когда мы узнали, что человек получает оправдание не исполнением предписаний закона Моисея, но только верою в Иисуса Христа, то мы и уверовали во Христа Иисуса, чтобы быть оправданными верою во Христа, а не исполнением предписаний закона, ибо исполнением предписаний закона не получит оправдания никто из живущих. 17 Если же, желая получить оправдание во Христе, мы и сами оказались грешниками, то неужели Христос – слугитель греха? Быть не может! 18 Ведь если я вновь созидаю то, что разрушил, я сам себя объявляю преступником, 19 ибо чрез закон я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я распял себя со Христом, 20 и живу уже не я, но Христос живет во мне; а что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божьего, Который возлюбил меня и принес Себя в жертву за меня. 21 Я не отвергаю благодати Божьей; ибо если благодаря закону мы получаем оправдание, то Христос напрасно умер. **Глава 31** О неразумные галаты! Кто внушил вам, что не надо повиноваться истине, – вам, у которых прежде словно перед глазами Иисус Христос был изображен распятым? 2 Одно только хочу спросить у вас: исполнением предписаний закона получили вы Дух Святой или верою во услышанное? 3 Неужели вы столь неразумны, что, начав Духом, теперь завершаете плотью? 4 Неужели вы напрасно столько претерпели? Да и напрасно ли? 5 Ведь Тот, Кто посылает вам Духи, совершает у вас чудеса, ради исполнения вами предписаний закона и ли благодаря вере вашей во услышанное совершает это? 6 Так, А в р а а м п о в е р и л Б о г у , и э т о б ы л о з а ч т е н о е м у в о п р а в д а н и е , <Быт 15,6.> 7 а потому знайте: именно верующие – сыновья Авраама, 8 и, если обратиться к Писанию, то в предвидении того, что Бог по вере оправдает народы, Аврааму было предвозвещено: в т е б е б л а г о с л о в я т с я в с е н а р о д ы <Быт 12,3; 18,18.> , 9 а потому верующие благословляются вместе с уверовавшим Авраамом, 10 над теми же, которые уповают на исполнение предписаний закона, тяготеет проклятие, ибо написано: п р о к л я т л ю б о й , к т о н е п р и д е р ж и в а е т с я и с п о л н е н и я в с е х п р е д п и с а н и й к н и г и з а к о н а <Втор 27,26.> . 11 А потому ясно, что исполнение закона никого не оправдывает пред Богом, ибо п р а в е д н и к в е р о ю ж и в е т <Авв 2,4.> ; 12 но закон не по вере дан, ч е л о в е к ж е п р и д е р ж и в а е т с я т о г о , ч е м ж и в е т о н . <Лев 18,5.> 13 Христос освободил нас от проклятия закона, взяв проклятие на Себя, – ибо написано: п р о к л я т л ю б о й , п о в е ш е н н ы й н а д р е в е , <Втор 21,23.> 14 дабы благословение, которое получил Авраам, чрез Христа Иисуса распространилось на все народы, и

мы по вере получили обетование - Духа Святого.15Братья! Попросту говоря,даже человеком составленное завещание никто не отменяет и не дополняет,16Аврааму же и Потомку его обетование возведено было Богом;Он не сказал: и потомкам,то есть многим, но одному:и П о т о м к у т в о е м у <Быт 12,7.> ;а Он - Христос.17Итак, я утверждаю:закон, появившийся спустя четыреста тридцать лет после установленного Богом завета,не устраняет и не упраздняет обетование,18ибо если наследство получают благодаря закону,то уже не по обетованию;Авраама же Бог благословил по обетованию.19Для чего же закон?Он предназначался против преступлений до времени пришествия Потомка,в Котором исполнилось обетование,и был установлен ангелами через посредника,20посредник же один сам по себе не существует,а Бог - один.21Так что же: закон противоположен обетованиям Божьим?Быть не может!Ведь если бы дан был закон,который мог даровать нам новую жизнь, -тогда, действительно, оправдание было бы от закона,22но Писание все связало узами греха,дабы обетование дано было верующим по вере в Иисуса Христа.23А прежде чем пришла вера,мы были узниками под стражею закона,ожидающими откровения веры;24закон словно детей вел нас ко Христу,чтобы мы были оправданы верою,25но когда пришла вера,нас уже не надо вести как детей,26ибо по вере все вы -сыновья Божьи во Христе Иисусе;27все вы, крещенные во Христа,преисполнились Христом,28и нет среди вас ни иудея, ни эллина,ни раба, ни свободного,ни мужчины и женщины,ибо все вы - одно во Христе Иисусе.29Если же вы - Христовы,стало быть, вы - потомство Авраама,наследники по обетованию.**Глава 4**1Еще скажу:наследник, будучи владельцем всего достояния,до времени своего совершеннолетия ничем не отличается от раба;2он подчиняется опекунам и домоправителям до срока, назначенного отцом.3Так и мы, покуда были несовершеннолетними,были в порабощении у духов этого мира,4но когда пришло определенное время,Бог послал в мир Сына Своего, -Который родился от женщины и подчинился закону, -5дабы освободить тех, кто под властью закона,и вновь усыновить нас.6А поскольку вы - сыновья Божьи,Он ниспослал в сердца ваши Дух Сына Своего,Который взывает: Авва, Отче!7Так что ты уже не раб, но сын,а если сын, то и наследник Божий.8Но тогда, не ведая о Боге,вы были в рабстве у богов,которые по сути таковыми не являются;9ныне же, познав Бога,и, более того, будучи познаны Богом,почему вновь вы обращаетесь к ничтожным и низменным духам?Вы хотите вновь, как и прежде,быть в порабощении у них?10Да еще дни высчитываете и месяцы,времена и годы!11Боюсь я за вас, -как бы не был напрасен мой труд у вас.12Будьте же как я, братья,потому что и я, как вы,прошу вас;вы ведь ничем не обидели меня.13Вспомните: когда я впервые благовествовал вам,я был болен,14и хотя мой жалкий вид не внушал вам доверия,вы не отвергли меня с презрением,но приняли меня как посланника Божьего,как Христа Иисуса.15Где же прежнее блаженство ваше?Уверяю вас: если бы это было нужно,вы глаза свои вырвали бы и отдали мне.16Так неужели, возвещая вам истину,я стал врагом вашим?17Не по-доброму они завидуют вам,но хотят разлучить нас,чтобы вы им подражали.18Хорошо бы мне всегда быть у вас примером для подражания в добре,а не только тогда, когда я среди вас.19Дети мои, из-за которых я всегда буду страдать,доколе вы не уподобитесь Христу;20как же хочу я сейчас быть среди васи другим тоном говорить с вами,ибо я в недоумении.21Скажите мне, желающие подчиниться закону:разве не читают вам книгу закона?22А там написано, что у Авраама было два сына:один - от рабыни, другой - от свободной.23Но тот, который от рабыни, рожден плотски,тогда как тот, который от свободной, - по обетованию.24Тут все - иносказание,ибо они означают два завета:один от горы Синайской,рождающий в рабстве, - это Агарь,25гора же Синайская в Аравийской пустыне соответствует нынешнему Иерусалиму,ибо он - в рабстве вместе со своими детьми.26Вышний же Иерусалим - свободен,он - наша мать,27ибо написано:в о з р а д у й с я , б е с п л о д н а я , н е р о ж д а в ш а я , в о з л и к у й и в о с п о й , н е и с п ы т а в ш а я р о д о в ы х м у ж , и б о м н о г о д е т е й у п о к и н у т о й , м н о г о б о л е е , ч е м у з а м у ж н е й <Ис 54,1> .28Мы же, братья, подобно Исааку, дети обетования;29но как тогда рожденный плотски преследовал рожденного духовно,так и теперь.30Но что говорит Писание? - П р о г о н и р а б ы н ю и с ы н а е е , и б о н е с т а н е т н а с л е д н и к о м с ы н р а б ы н и в м

е с т е с с ы н о м свободной <Быт 21,10.>.31Поэтому, братья,мы дети не рабыни, но свободной.

Глава 5 Христос для свободы освободил нас,а потому будьте тверды не попадайте вновь под иго рабства.2Итак, я, Павел, говорю вам:если вы принимаете обрезание,Христос вам не нужен.3И вновь заверяю каждого человека,принимающего обрезание:он должен исполнять все предписания закона.4Без Христа вы остались, -те, что оправдывают себя исполнением закона, -вы лишились благодати,5тогда как в душе нашейживет надежда на оправдание верою,бибо для тех, кто во Христе Иисусе,не имеет значения ни обрезание, ни необрезание,но вера, проявляющаяся в любви.7Вы шли хорошо;кто остановил вас?Не верить истине?8Эта вера не от Того исходит,Кто призывает вас.9Немного закваски заквашивает все тесто.10Пред Господом я уверен в вас:вы не будете искать ничего другого;тот же, кто вводит вас в заблуждение,понесет наказание, кем бы он ни был.11Братья, ведь если я до сих пор проповедую обрезание,то почему они до сих пор преследуют меня?Ведь соблазн креста для них тогда прекратился бы.12Пусть бы уж вовсе оскопили себя те,что сеют смуту среди вас!13Ведь вы к свободе призваны, братья;только пусть свобода не будет причиной свободы плоти,но чтобы вы любовью служили друг другу,14ибо весь закон заключен в одной заповеди:в о з л ю б и б л и ж н е г о с в о е г о к а к с е б я с а м о г о . <Лев 19,18.>15Если же вы друг друга искушать и растерзать готовы,берегитесь, как бы вам не погубить друг друга.16Я же говорю: сообразуйтесь с Духом,и не будете исполнять вожелений плоти,17ибо плоть противоположного Духу желает,а Дух - противоположного плоти;они противостоят друг другу,чтобы вы не то делали, что хотели бы.18Если же вы Духом ведомы, -вы не под властью закона.19А дела плоти известны:это - прелюбодейство, разврат,порочность, бесстыдство,20идолослужение, ворожба, ненависть, вражда,злоба, гнев, раздоры, распри, ереси,21зависть, убийства, пьянство, оргии и тому подобное;предупреждаю вас, как и ранее предупреждал:совершающие таковые делаЦарства Божьего не наследуют.22Плод же Духа - это любовь, радость, мир,долготерпение, честность, доброта, вера,23кротость, воздержание.Закон не против этого.24Те же, что принадлежат Христу Иисусу,распяли плоть своюс ее страстями и желаниями.25Если мы живем Духом,Духу и следовать будем.26Не будем тщеславны,не станем раздражать друг друга,друг другу завидовать.

Глава 6 Братья, если и будет уличен человекв каком-либо прегрешении,вы, духовные,исправляйте такового в духе кротости,следа за тем,чтобы самому не впасть в искушение.2Друг другу помогайте переносить невзгоды,и так исполните закон Христов.3Ибо если кто, будучи ничем,думает, что он - нечто,тот обманывает себя самого.4Пусть каждый сам свои дела оценит,тогда и похвалу заслужитлишь за свои дела, а не другого,5ибо каждый понесет свое бремя.6Наставляемый же в учениида поделится с наставникомвсем тем, что имеет.7Не обольщайтесь: Бога не обмануть;ибо что посеет человек, то и пожнет.8Потому что сеющий в плоть своюот плоти пожнет тление,а сеющий в Дух,от Духа пожнет Жизнь Вечную.9Творя добро, да не устанем,ибо в свое время пожнем, коли не ослабеем.10Итак, доколе имеем время,будем всем творить добро,а наипаче - своим по вере.11Как видите, писал вам большими буквами,своей рукой.12Желающие внешне быть благопристойнымипринуждают вас к обрезанию для того,чтобы их не преследовали за крест Христа Иисуса,13ибо принимающие обрезаниесами не только не соблюдают закон,но, желая вашего обрезания,хотят чрез вашу плоть и похвалу заслужить.14Я же ничем не стану хвалиться,кроме как крестом Господа нашего Иисуса Христа,на котором для меня мир распяти я - для мира,15ибо для тех, кто во Христе Иисусе,не имеет значенияни обрезание, ни необрезание,но новое создание Божье.16Да снизойдет на тех,кто следует этому правилу,мир и милость,и на Израиль Божий!17Пусть же отныненикто мне не причиняет страданий,ибо я ношу раны Господа Иисусана теле моем.18Да пребудет благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим, братья.Аминь.

Протопресвитер Александр Шмеман: Исповедь и причастие

Богослужение и таинства

ротопресвитер Александр Шмеман, декан и профессор литургического богословия Св.-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке Исповедь и причастие(Доклад Св. Синоду Православной Церкви в Америке)

1

Возникшие в нашей Церкви споры и вопрошания о более частом причащении, о связи таинства причащения с таинством покаяния, о сущности и форме исповеди и т. д., суть признак не слабости и упадка, а жизни и жизненности. Среди православных людей, среди членов нашей Церкви пробуждается интерес к главному, возникает жажда духовно подлинного. За это одно уже можно благодарить Бога. И потому крайне неправильным было бы пытаться споры эти и вопрошания разрешить в одном, так сказать, административном порядке указами и инструкциями. Ибо перед нами духовный вопрос и он касается буквально всех сторон нашей церковной жизни. На этом и нужно остановиться в первую очередь.

Вряд ли можно сомневаться в том, что Церкви нашей, при всем ее относительном внешнем и материальном благополучии, грозит глубочайшая опасность изнутри: опасность обмирщения, настоящего духовного угасания. Трагические признаки такого угасания появились уже давно. Годами длящиеся споры о приходском Уставе, недавние волнения, вызванные автокефалией <Она была дарована Русской церковью в 1970 г. (Прим. ред.)>, широко распространенная установка, ставившая в центре всего идею защиты приходами каких-то своих интересов, прав и имущества от иерархии и духовенства, легкость, с которой большие и старые приходы во имя этих пресловутых прав попросту рвут с Церковью, сосредоточенность органов церковного управления почти исключительно на внешнем, материальном и юридическом все это вскрывает такую страшную, такую глубокую расцерковленность сознания, такое обмирщение, что, действительно, страшно становится за будущее нашей Церкви, которая к тому же, по-видимому, и не сознает подлинных размеров и глубины этого кризиса.

Между тем именно это обмирщение, эта расцерковленность церковного общества приводит к тому, что многие и многие, особенно же молодежь, просто уходят от Церкви, в которой им никто не открывает, в чем состоит сущность Церкви, что означает быть членом Церкви, в которой все духовно сведено к минимуму за счет банкетов, юбилеев, финансовых кампаний, и все той же защиты каких-то прав, в которой так мало слышен призыв к углублению внутренней жизни, к одухотворению и воцерковлению.

И все это тогда, когда мы начинаем новую жизнь, когда нам дана возможность в эпоху уничтожения и пленения Православия в его древних центрах возрастая от силы в силу, быть свободными не только на словах, но и на деле, наполнить духовным содержанием церковную жизнь, осуществить все то, чего не могут осуществить наши братья. Но как часто в действительности мы убеждаемся в том, что самые с виду деятельные и активные члены Церкви оказываются одновременно и самыми расцерковленными, вождями всевозможных оппозиций и бунтов, что и это еще страшнее сам строй приходской жизни делает почти невозможным какое бы то ни было духовное углубление, что, наконец, само духовенство вместо того, чтобы всеми силами укоренять жизнь своих пасомых в Боге, обрекаются на мертвый формализм, казенщину и сохранение некоего status quo раз и навсегда

самоочевидной нормой церковной жизни.

У нас есть живые и жгучие вопросы, возникающие в церковной жизни, в том числе и занимающий нас здесь вопрос о таинствах, об участии в них мирян и т. д., разрешающиеся простыми ссылками на прошлое, на то, что делалось и считалось нормальным в России, Польше, еще где-нибудь. Поступать так, однако, не только недостаточно, но, увы, и просто неверно. Далеко не все в этом прошлом, будь оно русское, польское, греческое или еще какое, было правильно, православно и подлинно. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать, хотя бы отзывы русского епископата в эпоху подготовки в начале этого века Всероссийского Поместного Собора. Почти все без исключения русские епископы самые образованные в Православной Церкви, и вне всякого сомнения, настроенные традиционно и консервативно, признали положение Церкви, и духовное, и богослужбное, и организационное, глубоко неблагополучным и требующим спешных и глубоких реформ. Начиная с Хомякова, все живое в русском богословии обличало плененность этого последнего западным латинскими, юридическими и схоластическими путями. Митрополит Антоний Храповицкий подверг резкой критике русские духовные школы, а праведник о. Иоанн Кронштадтский бичевал теплохладную и формальную церковность русского общества, сведшего, например, причастие к обязанности, исполняемой единожды в год, низведшей богочеловеческую жизнь Церкви на уровень обычая и быта. Поэтому простые ссылки на прошлое, как на критерий для настоящего, недостаточны, ибо и само прошлое требует оценки в свете подлинного Предания Церкви. Единственным же критерием всегда и всюду может быть только это Предание и пастырская забота о том, как хранить и осуществлять его в наших, столь отличных от прошлого, условиях жизни.

Наши же условия нужно ли доказывать? определяются глубочайшим духовным кризисом: общества, культуры, человека. Суть этого кризиса секуляризм: отрыв от Бога всей жизни человека. И кризис этот не может не сказаться и внутри Церкви. Нетрудно доказать, что и сама церковная жизнь именно секуляризуется, о чем свидетельствует все то, о чем сказано выше: сосредоточенность на внешнем и материальном, на правах и имуществе, на форме, а не на содержании. Думать, что от всего этого можно отговориться простыми приказами, запретами и ссылками на прошлое, близоруко и опасно, и в первую очередь это относится к главной святыне Церкви к св. таинствам.

2

Если мой доклад о таинствах я начал с этих общих размышлений о духовном кризисе и в мире, и в Церкви, то потому, что я глубочайшим образом убежден, что сами возникшие в этой области вопросы укоренены именно в этом кризисе, имеют к нему самое прямое отношение. Я убежден, что вопрос об участии мирян в таинствах, в данном случае о более частом или, лучше сказать, более регулярном участии в таинстве Евхаристии, является ключевым вопросом всей нашей церковной жизни, вопросом, от разрешения которого буквально зависит будущее самой нашей Церкви: ее возрождение или же быстрое угасание.

Я убежден, что в приходах, где возрождение евхаристической жизни уже началось, никогда не произошло бы того, что только что произошло в одном из самых старых и известных приходов Новой Англии, невозможен был бы этот диалог глухих о том, что такое Церковь, ее единство, назначение ее на земле, место в ней иерархии и т. д. Я убежден, что там, где Евхаристия и причастие снова стали, по выражению о. Сергия Четверикова, «средоточием христианской жизни», почти не возникает проблема связи прихода с Церковью и иерархией, принятия канонических норм, исполнение материальных обязательств. И это, конечно, не случайно. Ибо там, где церковная и приходская жизнь не основана, прежде всего, на Господе Иисусе Христе, и это значит, на живом общении и единстве с Ним и в Нем, в таинстве Церкви Евхаристии, там

неизбежно, рано или поздно, на первый план выступает что-нибудь другое: имущество и его защита, деньги и в конечном итоге адвокаты и суд. Там уже не Христос, а что угодно другое: национализм, политика, материальный успех, коллективная гордыня и т. д. рано или поздно начинают преобладать и одновременно разлагать церковную жизнь.

До сих пор остроты, центральности этого вопроса, этого или-или можно было не замечать. На протяжении долгого времени у наших приходов, кроме религиозной, была еще и естественная база этническая, национальная, языковая. Приходы были формой объединения иммигрантов, т. е. этнических меньшинств, сплоченных для защиты своих интересов в чуждом им по первоначальному американскому миру. Но теперь этот иммигрантский период в истории нашей Церкви быстро приходит к концу. Все очевиднее, все быстрее распадается и отпадает естественная база нашей Церкви. Чем ее заменить? Если она не будет заменена самой идеей и опытом Церкви, как единства во Христе, единства веры и ее осуществления, то поневоле заменит ее уже совершенно антирелигиозная идея прихода, как владельца имущества, и объединяющим принципом станет (и уже становится!) принцип защиты этого имущества от каких-то внешних врагов: епископов, духовенства, центра и т. д. Вожди всевозможных оппозиций отлично знают, что, на деле, их имуществу давно уже ничто не угрожает. Если они все-таки так активно поддерживают этот миф, то потому что им нужен объединяющий принцип и лозунг, а другого у них нет. Если люди не знают **за** что им объединяться и **во имя** чего, то они, неизбежно, объединяются **против**. И это и составляет трагическую глубину нашего теперешнего положения.

Вот почему вопрос о таинствах имеет такое ключевое значение. Ибо именно с ним связано **за**, которого так не хватает нашей Церкви, тут и только тут, в связи с ним, возможность внутреннего перерождения мирянского самосознания, давно уже оторвавшегося от самих истоков, от самого опыта Церкви. И если этот вопрос приобрел сейчас такую остроту, то потому что все больше и больше церковных людей, сознательно, а чаще бессознательно, ищут такого перерождения и возрождения, ищут той базы, которая вернула бы приходу его религиозный и церковный смысл и остановила бы быстрое и трагическое его обмирщение.

3

В этом коротком докладе нет возможности, да и нет нужды, вопрос о причастии мирян ставить во всем его догматическом и историческом объеме. Достаточно напомнить о главном.

Общеизвестно, конечно, и не требует никаких доказательств, что в ранней Церкви причастие всех верных, всей Церкви за каждой Литургией было самоочевидной нормой. Важно подчеркнуть, однако, что само причастие воспринималось не только как акт личного благочестия и освящения, а, прежде всего, именно как акт, вытекающий из самого членства в Церкви и это членство исполняющий и осуществляющий. Евхаристия была и называлась таинством Церкви, таинством собрания, таинством общения. Для того Он смесил Себя с нами говорит св. Иоанн Златоуст и растворил Тело Свое в нас, чтобы мы составляли нечто единое, как тело, соединенное с главою... Никакого другого признака и критерия принадлежности к Церкви и членства в ней, кроме причастия, раньше Церковь просто не знала. Отлучение от Церкви было отлучение от евхаристического собрания, в котором Церковь осуществляла и являла себя как Тело Христово. Причастие Таинству Церкви вытекало непосредственно из Крещения – таинства вступления в Церковь и никаких других условий причастия в ранней Церкви не было. Член Церкви – это тот, кто причащается Церкви в Таинстве Церкви, поэтому в одной из древних литургий одновременно с оглашенными и кающимися, т. е. отлученными, призываются оставить собрание Церкви и все непричащающиеся. Это восприятие причастия, как осуществления членства Церкви, можно назвать экклезиологическим, и, очевидно, сколько бы оно не затемнялось и не усложнялось в дальнейшей истории Церкви, никогда не было

отменено и составляет первичную и вечную норму Предания Церкви.

Поэтому вопрошать нужно не об этой норме, а о том, что случилось с ней. Почему мы так далеко отошли от нее, что само напоминание о ней кажется иным и, чаще всего духовенству, каким-то неслыханным новшеством и ниспровержением уставов? Почему, вот уже столетиями, девять из десяти литургий служатся без причастников и это не вызывает ни удивления, ни содрогания, тогда как желание чаще причащаться, напротив, вызывает почти испуг? Как могло в недрах Церкви Тела Христова, возникнуть учение о ежегодном причащении как норме, отступление от которой допускается только в исключительных случаях? Как, иными словами, стало понимание причастия сугубо индивидуальным без всякого отношения к Церкви, перестало быть выражением того, о чем сказано в евхаристической молитве: нас же всех, от единого Хлеба и Чаши причащающихся, соедини друг ко другу во единого Духа причастие ?

Причина этого, хотя и сложная в своем историческом развитии, довольно проста: это боязнь профанировать таинство. Это страх недостойного причащения, покаяния святыни. Страх, конечно, духовно оправданный и правильный, ибо ядый и пияй недостойно, в суд себе яст и пьет . Он возник рано, вскоре после победы Церкви над языческой империей, победы, превратившей христианство, на протяжении сравнительно короткого времени, в массовую, государственную и народную религию. Если в эпоху гонений сама принадлежность Церкви обрекла каждого ее члена на узкий путь, полагала между ним и миром сим самоочевидную грань, то теперь с включением всего мира в Церковь грань эта была уничтожена и появилась вполне реальная опасность номинального, поверхностного, теплохладного и минималистического восприятия христианской жизни. Если прежде трудным и духовноответственным был сам доступ в Церковь, то теперь с обязательным включением в Церковь всех возникла необходимость установить внутренние границы и проверки, и такой границей постепенно стало таинство и доступ к нему.

Надо подчеркнуть, однако, что ни у Отцов Церкви, ни в самих богослужебных текстах мы не найдем и намек на поощрение неучастия в таинствах. Подчеркивая святость причастия и его страшность , призывая к достойному к нему приготовлению, св. Отцы нигде и никогда не узаконили той, теперь повсеместно разделяемой мысли, что потому, что таинство свято и страшно, к нему не следует или даже неправильно приступать часто. Для св. Отцов еще самоочевидно было восприятие Евхаристии как Таинства Церкви: ее единства, исполнения и возрастания.

«Мы не должны, - пишет преп. Иоанн Кассиан Римлянин, - устраняться от причащения Господня из-за того, что сознаем себя грешниками. Но еще более и более надобно поспешать к нему для врачевания души и очищения духа, однако ж с таким смирением духа и верою, чтобы, считая себя недостойными принятия такой благодати, мы желали более врачевства для наших ран. А иначе и в год однажды нельзя достойно принимать причащение, как некоторые делают ... достоинство, освящение и благотворность небесных Таин оценивая так, что думают, будто принимать их должны только святые, непорочные, а лучше бы думать, что эти таинства сообщением благодати делают нас чистыми и святыми. Они подлинно больше гордости высказывают, нежели смирения, как им кажется, потому что когда принимают их, то считают себя достойными принятия их. Гораздо правильнее было бы, если бы мы с тем смирением сердца, по которому веруем и исповедуем, что мы никогда не можем достойно прикоснуться Св. Тайн, в каждый воскресный день принимали их для врачевания наших недугов, нежели превозносясь суетным убеждением сердца, верить, что мы после годичного срока бываем достойны принятия их».

Что же касается той, тоже распространенной и приобретшей почти нормативный характер, теории, согласно которой, в отношении к причастию есть разница между духовенством и

мирянами, так что духовенство может и должно приобщаться за каждой Литургией, а миряне нет, то уместно привести слова св. Иоанна Златоуста, который более, чем кто-либо другой, ратовал за достойное к причащению приготовление. « Но есть случаи, – пишет великий пастырь и учитель, – когда священник не отличается от подначального, например, когда нужно причащаться Св. Тайн. *Мы все одинаково достаиваемся их*, не так, как в Ветхом Завете, где иное вкушал священник, иное народ и где не позволено было народу приобщаться того, чего приобщался священник. Ныне не так но всем предлагается одно тело и одна чаша... »

Повторяю, найти в Предании Церкви основу и оправдание нашей теперешней практики редкого, если не ежегодного, причащения мирян, признание его нормой, а желание частого причащения едва терпимым исключением, невозможно. И потому все те, кто серьезно и ответственно Предание изучал, все лучшие русские литургисты и богословы всегда видели в ней упадок церковной жизни, отступление от Предания и от подлинных норм церковности. И самое страшное в этом упадке то, что он оправдывается и объясняется уважением к святине и благоговением. Ибо, если бы это было так, то непричащающиеся ощущали бы за Литургией скорбь, ущерб, печаль по Богу, желание приступить. На деле ничего этого нет. Поколения за поколениями православных присутствуют на Литургии в полном убеждении, что ничего другого от них не требуется, что причастие просто не для них . И один раз в год они исполняют свой долг и причащаются после двухминутной исповеди у переутомленного священника. Видеть в этом торжество благоговения, а не упадок и трагедию, просто духовно страшно. А иных из наших приходов здесь, в Америке, людей, старавшихся приступить к Св. Тайнам чаще, подвергали настоящему гонению, уговаривали не причащаться, чтобы не смущать людей , обвиняли в неправославии! Я мог бы процитировать приходские листки, в которых разъясняется, что, поскольку причастие для кающихся, нельзя им омрачить радость Пасхи. И самое горестное, конечно, то, что так мало чувствуется мистический ужас от всего этого, от того, что, по-видимости, сама Церковь становится препятствием на пути людей ко Христу! «Когда увидите мерзость запустения, стоящую на месте святе...»

Не трудно, наконец, было бы показать, что всюду и всегда подлинное возрождение церковности начиналось с возрождения евхаристического, с того, что кто-то назвал евхаристическим голодом . В XX веке начался великий кризис Православия. Начались неслыханное, небывалое гонение на Церковь и отход от нее миллионов людей. И вот всюду, где этот кризис был осознан, началось и возвращение к причащению как средоточию христианской жизни . Так было в Советской России, о чем имеются сотни свидетельств, так было и в других центрах Православия и в рассеянии. Движения православной молодежи в Греции, Ливане, Франции выросли все без исключения из возрождения литургической жизни. Все живое, подлинное, церковное родилось из смиренного и радостного ответа на слова Господа: «ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, той во Мне прибывает и Аз в нем...»

Теперь по великой милости Божией это евхаристическое возрождение, эта жажда более частого, более регулярного причащения и через него возврата к более подлинной церковной жизни, началось и в Америке. И я убежден, что ничто не может доставить большей радости пастырям, и особенно архипастырям, чем это возрождение, свидетельствующее об отходе от мертворожденных споров об имуществе и правах , от восприятия Церкви, как какого-то социально-этнического клуба с увеселениями и пикниками, от организаций молодежи , в которых религиозная жизнь отсутствует. Ибо, как я уже сказал выше, никакой другой основы для возрождения Церкви как в целом, так и в приходах, у нас нет и быть не может. Отмирает и исчезает база этническая, национальная. Исчезает все то, что *только* быт, только обычай, только придаток к жизни, а не сама жизнь. Люди ищут и жаждут подлинного, живого и истинного. И потому, если суждено нам жить и расти, то, конечно, только на основе самой сущности Церкви. Сущность же ее Тело Христово, то таинственное единство, в которое

вступаем мы, причащаясь от единого Тела и Чаши во единого Духа причастие...

Я уверен поэтому, что наши епископы, которым поручена забота, прежде всего, о духовной сущности Церкви, найдут слова, чтобы благословить это начинающееся духовное и таинственное возрождение, чтобы напомнить Церкви о подлинном, бесконечно богатом и бесконечно радостном содержании ее Предания и учения о Св. Тайнах.

Но это, конечно, с новой остротой и глубиной ставит вопрос о достойном приуготовлении к причастию и, прежде всего, о месте в этом приуготовлении таинства Покаяния.

4

С тех пор как причастие мирян за каждой Литургией, как акт, вытекающий из их участия в Литургии, перестало быть нормой и было заменено практикой редкого, обычно ежегодного, причащения, это последнее естественно стало предваряться таинством Покаяния, т. е. исповедью и воссоединением с Церковью через отпустительную молитву. Но практика эта, повторяю, естественная и самоочевидная в случае редкого, ежегодного, причащения, привела к возникновению внутри Церкви теории, согласно которой причастие мирян, в отличие от духовенства, и вообще *невозможно* без таинства Покаяния, так что исповедь является *обязательным* всегда и во всех случаях условием причащения. Я дерзаю утверждать, что теория эта (утвердившаяся преимущественно в Русской церкви) не только не имеет для себя основания в Предании Церкви, но открыто противоречит церковному учению о самой Церкви, о таинстве Причащения и о таинстве Покаяния.

Чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы в нескольких словах напомнить о сущности таинства Покаяния. Это таинство с первых же веков было в сознании и учении Церкви *таинством Воссоединения с Церковью* отлученных, что первоначальная, очень строгая дисциплина допускала только *одно* такое воссоединение, на что в дальнейшем развитии церковной жизни, особенно после наплыва в Церковь всей народной массы, дисциплина была отчасти смягчена. Так или иначе, в основе своей, по существу, таинство Покаяния, как таинство Воссоединения с Церковью, совершалось лишь над теми, кто был отлучен от Церкви за определенные грехи и проступки, точно перечисленные в каноническом Предании Церкви. Об этом и сейчас еще свидетельствует подлинная разрешительная молитва: «примири и соедини его со святой Твоей Церковью во Христе Иисусе Господе нашем...» (в отличие от второй, латинской по происхождению и неведомой Востоку: «и аз, недостойный иерей, властью мне данной...»).

Это совсем не значит, однако, что неотлученных, «верных» Церковь считала безгрешными. Во-первых, Церковь никого из людей, кроме Пресвятой Богородицы, никогда не считала безгрешными. А во-вторых, соборное, литургическое исповедание грехов и мольба об их прощении входит и в «молитву Трисвятого», и в «молитвы верных» на литургии. И наконец, само причащение Св. Тайн Церковь всегда воспринимала как совершающееся «во оставление грехов». Поэтому дело тут не в «безгрешности», которую не дарует и никакое отпущение грехов, а в различии, которое всегда делала Церковь между грехами и актами, отлучающими человека от благодати жизни Церкви, и той «греховности», которой неизбежно подвержен каждый человек «плоть нося и в мире живя», но которая как бы «растворяется» в собрании Церкви и о прощении которой и молится Церковь в «молитвах верных», читаемых перед предложением Св. Даров. Ведь и перед самой Св. Чашей, в самую минуту причащения просим мы о прощении «прегрешений вольных и невольных, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением» и верим, что в меру нашего раскаяния получаем его.

Все это означает, конечно, – да этого по-настоящему никто и не оспаривает, что единственным

настоящим условием причащения Св. Тайн является членство в Церкви, и обратно, что членство в Церкви осуществляется и исполняется в причащении Таинству Церкви. Причащение даруется «во оставление грехов» и «во исцеление души и тела» и потому предполагает раскаяние, осознание человеком своего совершенного недостойнства и причастия как небесного дара, который никогда не может быть заслужен никем из земнородных. И вся суть установленного Св. Церковью приуготовления к причастию ("правило ко св. Причащению") состоит, конечно, не в том, чтобы человек ощутил себя достойным и заслуживающим причастия, напротив, в том как раз, чтобы раскрылась ему бездна милосердия и любви Божией: «верую, яко сие сотвориши...» Перед трапезой Господней единственное *достоинство причастника в том, что он понял и узрел бездну своего недостойнства*. В этом состоит начало спасения.

Но потому-то так и важно понять, что превращение исповеди и таинства Покаяния в *обязательное* условие причащения не только противоречит Преданию, но его действительно искажает. Оно искажает учение о Церкви, создавая в нем две категории членов, из коих одна – миряне, в сущности отлучаются от Евхаристии, как самого содержания и исполнения своего членства, как его духовного источника. Не удивительно тогда, что члены Церкви, которых Апостол назвал «согражданами святым и своими Богу» превращаются именно в «мирян», т. е. «секуляризуются», и их членство в Церкви начинает измеряться деньгами ("членские взносы") и «правами» ... Искажается учение о таинстве Причащения, которое начинает восприниматься как таинство для немногих достойных и чистых, а не как Таинство Церкви: грешников, безмерной любовью Божией всегда претворяемых в Тело Христово. И искажается, наконец, само христианское понимание покаяния: превращается в некое формальное условие для причастия, и на деле все очевиднее заменяет собою настоящую подготовку к причащению, то подлинное внутреннее раскаяние, которым вдохновлены все молитвы перед причащением. После трехминутной исповеди и разрешительной молитвы человек чувствует себя вправе приступить к Чаше, «достойным» и даже «безгрешным», т. е. чувствует, по существу, обратное тому, к чему ведет подлинное приуготовление к причастию.

Как же могла возникнуть такая практика и претвориться в норму, защищаемую многими как истинно православное учение? Этому способствовало три фактора. Об одном из них мы уже говорили: это та теплохладность христианского общества в вере и благочестии, что привела постепенно к редкому, а затем и лишь к ежегодному причащению. Совершенно ясно, что человек, приступающий к Св. Чаше раз в год, должен действительно быть воссоединен с Церковью, через проверку его жизни и совести в таинстве Покаяния. Вторым фактором следует признать влияние на церковное общество, в целом бесспорно, конечно, благотворное, монашества. В данном случае это монашеская практика духовного руководства, «открытия помыслов», постоянной духовной проверки более опытным менее опытного. Только в монастырях это духовное руководство, эта постоянная исповедь совсем не обязательно была связана с таинством Покаяния. Духовный отец, старец, могли не быть, и на деле очень часто не были даже и священниками, ибо этот тип духовного руководства связан с духовным опытом, а не с таинством священства как таковым. В византийских монашеских типиконах XII-XIII веков монаху запрещается как приступать к Чаше, так и воздерживаться от нее самовольно без разрешения духовного отца, ибо «исключать себя самовольно от причастия это поступать по своей воле». В женских монастырях та же власть присваивается игумении. Таким образом, мы имеем дело с исповедью не сакраментального типа, основанной на духовном опыте и постоянном регулярном руководстве. Эта исповедь оказала, однако, сильное влияние на развитие исповеди сакраментальной. В эпоху духовного упадка (глубину которого хорошо показывают постановления, например, т. н. Трулльского Собора, который сказался в первую очередь на белом духовенстве) монастыри оказались почти единственными центрами духовного окормления и руководства и для мирян. В Греции даже и сейчас исповедовать может

не каждый священник, а только особо на это уполномоченный и поставленный архиереем. Для мирян, однако, эта исповедь – руководство и наставление в духовной жизни – совершенно естественно соединились с «сакраментальной». Но следует признать, что на такое духовное руководство, предполагающее большой личный духовный опыт, способен совсем не каждый приходской священник, и это очень часто при духовной неопытности; попытки все же осуществлять его, приводят к подлинным духовным катастрофам. Так или иначе, но в церковном сознании, таинство Покаяния соединилось с идеей духовного руководства, разрешения духовных трудностей и «проблем», что в условиях нашей приходской жизни, наших массовых, на несколько вечеров Великого поста сосредоточенных и потому минутных исповедей, вряд ли осуществим, и это ведет к полной номинализации «исповеди» и очень часто приносит больше вреда, чем пользы. Духовное руководство, особенно в наш век глубочайшей духовной искалеченности, необходимо; но чтобы быть подлинным, глубоким, полезным, оно должно быть отделено от исповеди сакраментальной, хотя, конечно, эта последняя и составляет его конечную цель.

Третьим же решающим фактором оказалось, конечно, влияние западного, схоластического и юридического понимания таинства. О западном «пленении» православного богословия писали и говорили много, но мало кто, мне кажется, понимает всю глубину и все значение тех, без всякого преувеличения, извращений, к которым привело это западное влияние в самой жизни Церкви, и прежде всего в понимании и восприятии таинств. В том, что касается таинства Покаяния, это особенно разительно. Глубочайшее извращение тут состоит в том, что вся тяжесть, весь смысл таинства был передвинут с раскаяния и покаяния на момент «разрешения», понимаемого юридически. Западное, схоластическое богословие «юридизировало» понимание греха и соотносительно понимание его «оставления». Это последнее выводится не из реальности и подлинности раскаяния и покаяния, а из власти священника. Если в исконном православном понимании таинства Покаяния, священник есть свидетель раскаяния и поэтому свидетель совершившегося «примирения с Церковью во Христе Иисусе Господе нашем», то латинский юридизм все ударение ставит на власти священника «прощать». Отсюда и совершенно неслыханная, с православной точки зрения, но все более и более распространяющаяся практика «давать разрешительную молитву» без всякой исповеди. Изначальное в Церкви различие между грехами, отлучающими от Церкви (и потому требующими сакраментального «воссоединения» с Церковью) и «греховностью» (прегрешениями) к такому отлучению не приводящей, западная схоластика рационализировала в категориях, с одной стороны, т. н. «смертных грехов» и, с другой стороны, грехов «обычных». Первая, лишая человека «благодатного состояния», требует таинства Покаяния и разрешения, вторые – только внутреннего покаяния. На православном Востоке, особенно же в России (под влиянием латинствующего богословия Петра Могилы и его последователей) теория эта обернулась простым и обязательным, и именно, юридическим, сцеплением исповеди и причастия. И подлинно полным печальной иронии следует признать то, что это наиболее очевидное из всех заимствований от латинства так часто выдается у нас за православную норму, а всякая попытка пересмотреть его в свете подлинно православного учения о Церкви и о таинствах изобличается как плод западного, католического влияния.

5

Мне остается из всего сказанного сделать практические выводы. Выше я уже пытался объяснить, почему вопрос о таинствах, и прежде всего вопрос об участии мирян в евхаристической жизни, представляется мне вопросом краеугольным для нашей Церкви, от которого зависит ее духовное будущее, ее подлинный – а не внешний рост. Выводы эти поэтому должны сочетать верность подлинному Преданию Церкви с пастырской заботой об «исполнении» Предания в наших бесконечно трудных, бесконечно отличных от прошлого

условиях жизни.

Вопрос, мне кажется, можно сформулировать так: как сочетать поощрение более частого и регулярного участия мирян в таинстве Евхаристии «как средоточии христианской жизни», как таинстве собрания и единства, как подлинно Таинстве Церкви с заботой о достойном к этому таинству приготовлении, о том, чтобы не превратилось это участие в такой же «обычай», каким было до сего времени «непричащение»? Ответ на этот вопрос сводится, по моему разумению, к следующим основным положениям:

1. Прежде всего, если желание и практику более частого, в пределе регулярного, причащения мирян следует всячески поощрять, то совершенно очевидно, что было бы духовно неправильно и бесконечно вредно ее каким бы то ни было образом насильственно навязывать. Не может и не должно оно стать ни духовной «модой», ни плодом поверхностного увлечения, ни результатом какого бы ни было давления. Поэтому для причащающихся редко (даже раз в месяц), а таких, конечно, долго еще будет большинство в Церкви, нужно во всей силе сохранить как норму, *необходимость исповеди перед св. причастием*.

2. Причастие чаще, чем раз в месяц возможно только с разрешения. Разрешение это может быть дано только лицам, хорошо известным, и после всесторонней пастырской проверки в серьезности и правильности их прихода к Церкви и к христианской жизни. В этом случае вопрос об исповеди и соотношении между ее ритмом и ритмом причащения должен быть оставлен на благоусмотрение пастыря, с тем, однако, чтобы исповедь оставалась *регулярной* и совершалась *не реже, чем раз в месяц*.

6

Что такое *общая* исповедь и почему следует признать ее уместной и нужной в настоящих условиях нашей церковной жизни? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно признать, прежде всего, что в настоящее время огромное большинство членов Церкви не знают ни что такое исповедь, ни как приступить к ней. Она сводится – и это в лучшем случае – к чисто формальному и обобщенному перечислению обычно второстепенных недостатков, либо же к разговору о «проблемах». Тут сказалось, с одной стороны, многовековое влияние западного, формального и юридического понимания исповеди, а с другой стороны, всяческий «психологизм», свойственный нашей эпохе, и в котором растворяется без остатка чувство и сознание не «трудностей», «проблем» и «вопросов», а греха. Так, в одном большом приходе, где я исповедовал несколько десятков человек, каждый из них начинал с того, что представил мне свидетельство приходского казначея об уплате «членского взноса» и молча ждал разрешительной молитвы. В других приходах существует практика простого чтения – по книжечке – краткой, с латыни переведенной формулы исповедования. Наконец, почти повсеместно распространено отрицание исповедующимися каких бы то ни было грехов, поскольку под грехом понимает он преступления, каких он, действительно, не совершал. Обратная крайность – это сосредоточение на какой-нибудь одной «трудности», из рассказа о которой выходит так, что вина – в обстоятельствах и условиях жизни, сам же исповедующийся является просто жертвой этих условий. Меньше всего во всех этих типах исповеди именно раскаяния, печали по Боге, горя от оторванности от Него и желания переменить жизнь, возродиться и обновиться.

Но как же в этих условиях возродить, прежде всего, саму исповедь? Как сделать ее снова актом подлинного раскаяния, покаяния и примирения с Богом? Это сделать просто невозможно при теперешней трех- или четырехминутной исповеди, с длинной очередью – за спиной священника ждущих – своего череда, понимающих исповедь как ежегодное «отбывание» некой формальной обязанности.

Поэтому *общая исповедь* есть, прежде всего, некая школа покаяния, раскрытие подлинной сути самой исповеди. Чтобы быть духовно полезной, она должна состоять из следующих моментов.

1. Как правило, *общая исповедь* совершается вечером, после вечернего богослужения. Человек, имеющий намерение причаститься Св. Тайн, *должен* прийти в Церковь хотя бы накануне вечером. Современная практика исповеди за несколько минут до литургии, впопыхах просто вредна и должна допускаться только в самых крайних и исключительных случаях. Между тем, это опять-таки стало почти общим правилом.

2. Общая исповедь начинается с чтения священником вслух *молитв перед исповедью*, которые теперь почти повсеместно опускаются, но которые составляют, однако, органическую часть таинства Покаяния.

3. После молитв священник призывает кающихся к раскаянию, к молитве о ниспослании Богом, прежде всего, самого чувства покаяния, дара «зрети своя прегрешения», без которого формальный их перечень не принесет духовного плода.

4. Следует сама исповедь, т. е. перечисление священником всех тех поступков, мыслей и желаний, которыми мы оскорбляем святую Богу, святую ближнего и святую собственной души. Поскольку же сам священник, как всякий человек, стоящий перед Богом, знает все эти грехи и всю эту греховность и в самом себе, постольку и перечисление это не формальное и казенное, а искреннее, и совершается «духом сокрушенным и смиренным», идет от всех *нас*, а не просто обращено к *вам*, и в этом перечислении каждый узнает себя и каждый кается. И чем полнее испытывает пастырь свою совесть, тем полнее и общая исповедь и дух раскаяния и покаяния, который она рождает.

5. В заключение священник призывает кающихся обратить свой духовный взор от своего недостойнства Трапезы Господней, ожидающей нас, к Его милосердию и любви, и внутренне пожелать всем существом этого приобщения, которого мы никогда не достойны и которое все-таки даруется нам.

6. Затем священник призывает всех тех, кто испытывает нужду в дополнительном покаянии из-за какого-нибудь особенного бремени, тяготящего душу, отойти в сторону и подождать. Все же остальные по очереди подходят к нему и получают разрешительную молитву с возложением епитрахили и целованием креста.

7. Наконец, пока все, получившие разрешение, слушают молитвы перед причащением (начинать которые, мне кажется, хорошо с трехпсалмия «Господь пасет мя...»), священник по очереди вызывает имеющих восполнить исповедь и дает им разрешение.

Опыт показывает, что приступающие к такой *общей исповеди* начинают гораздо лучше исповедоваться и в исповеди *личной*. Ибо в том-то все и дело, конечно, что общая исповедь ни в коем случае не может и не должна рассматриваться как простая замена исповеди частной. Она для тех и только для тех, кто, причащаясь часто и регулярно, исповедуясь лично, знает самоочевидную нужду в проверке и очищении совести, в раскаянии, в той собранности духа и внимания, которая так трудна в современных условиях жизни. Могу засвидетельствовать, что там, где такая общая исповедь практикуется, частная исповедь не только не ослабела, а углубилась, стала исполняться подлинностью и смыслом. Вместе же с тем эта общая исповедь освобождает священнику время, необходимое для более углубленного исповедания тех, кто действительно нуждается в личной исповеди, и оказывается путем уже не личного только, но и общего возрастания в подлинный дух покаяния.

Заканчивая этот доклад и смиренно отдавая его на суд моих архипастырей, я могу исповедать еще раз, что все написанное здесь продиктовано исключительно острым осознанием нужды возродить и упорядочить евхаристическую жизнь Церкви, ибо тут и только тут источник и основа ее возрастания во Христе.

Неделя о блудном сыне, 1972 г.

Александр Хорьков: Н. Н. Неплюев и Крестовоздвиженское трудовое братство

Церковная жизнь

В конце 70-х годов прошлого столетия русский философ Владимир Соловьев в своей работе «Философские начала цельного знания» писал: «...Великое историческое призвание России, от которого только получают значение и ее ближайшие задачи, есть призвание религиозное в высшем смысле этого слова. Только тогда воля и ум людей вступят в общение с вечно истинным-и-сущим, тогда только получают свое положительное значение и цену все частные формы и элементы жизни и знания, все они будут необходимыми органами или средствами одной цельной жизни. Их противоречие и вражда, основанные на исключительном самоутверждении каждого, необходимо исчезнет, как только все вместе свободно подчинится всеединому началу и средоточию». В этой же статье В. Соловьев пишет: «...Человек хочет не только материального существования, которое обеспечивается обществом экономическим, и не только правомерного существования, которое дается ему обществом политическим, он хочет еще абсолютного существования – полного и вечного. Только это последнее есть для него истинное верховное благо, по отношению к которому материальные блага, доставляемые трудом, экономические и формальные блага, доставляемые деятельностью политической, служат только средствами». Все это могло остаться еще одним благим пожеланием людям по устройству их жизни, еще одной мечтой еще одного философа, которым никогда не суждено сбыться. Но в 1893 г. в Глуховском уезде Черниговской губернии Николаем Николаевичем Неплюевым было основано Крестовоздвиженское трудовое братство, в котором было осуществлено то, о чем писал В. Соловьев. Это братство, его опыт, к сожалению, до сих пор является «белым пятном» в истории России, незаслуженно забытым потомками. Сейчас опыт, накопленный этим братством, может во многом помочь людям в вопросе стройной организации жизни и подчинении ее воле Божьей. Кто же такой Н. Н. Неплюев и что руководствовало им при создании братства? В энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона за 1916 г. можем прочесть: «Неплюев Николай Николаевич – общественный деятель и писатель; родился в 1851 г., по окончании курса в С.-Петербургском университете служил при русском посольстве в Мюнхене, а затем, пробыв 2 года вольнослушателем в Петровской земледельческой академии, поселился в своем родовом имении Глуховского уезда Черниговской губернии и стал заниматься обучением крестьянских детей. Он основал, последовательно, детское общежитие при содержимой им начальной школе, мужскую (1-го разряда) и женскую (2-го разряда) сельскохозяйственные школы (с субсидией от министерства земледелия), детский приют и Крестовоздвиженское трудовое братство (Устав утвержден в 1893 г., членов братства к 1 января 1897 г. было 65). В с/х школы, служащими «колыбелью» братства, «ученики-работники» и «ученицы-работницы» принимаются с 13-летнего возраста; первые составляют два братских кружка (старший и младший). Цель братства – заботиться о христианском воспитании детей, согласовывать, по возможности, весь строй жизни с духом христианской веры и способствовать упорядочению жизни и за пределами братства. Главное заведывание братством в руках полноправных членов, живущих в пределах его деятельности. Все, окончившие школу,

вступают в братство и становятся преимущественно или преподавателями или арендаторами земель Неплюева. Принцип братского единения и строго христианской жизни проводит Н. в своих сочинениях. Н. написал также несколько музыкальных пьес (молитвы, песни без слов, пьесы для пения и фортепиано)". Обращает внимание то, как выражена цель братства – забота о христианском воспитании детей, согласования всего строя жизни с духом христианской веры. Каким же образом оно хотело этого достичь? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо знать историю возникновения братства, а в особенности ближе познакомиться с его основателем. Достаточно полный портрет Н. Неплюева можно получить, прочитав его сочинения. С 1901 по 1908 гг. было выпущено его полное собрание сочинений в пяти томах. Первый том называется «Что есть истина?» Вопрос Понтия Пилата", где Н. Неплюев пытается ответить и отвечает на вопрос «как жить?», и этот ответ лег в основание устройства братства и всей жизни Неплюева. Кризис, в первую очередь духовный, который тогда надвигался, при всем внешнем благополучии, видели многие. Но, по словам Неплюева: «...Для изменения строя жизни недостаточно одного сознания ее неразумности, необходимо твердое знание того, в чем состоит разумность жизни». Сам же Николай Николаевич знал больше, он знал, в чем состоит основа жизни, и верил в это. Он писал: «...Для согласия мира, единения и гармонии умов и сердец, жизни необходимо не понимать только, а желать и так сильно желать, чтобы желание это пересилило даже личное и семейное себялюбие. Это самоотверженное желание не может дать ни разум, ни наука, его может породить только любовь, святая, чудодейственная любовь, двигающая горами, способная сделать для любящих то, что очевидно неестественно для нелюбящих, как бы умны и учены они ни были... без любви в уме и сердце анархия, которая непременно и проявится в жизни и потребует для поддержания хотя бы внешнего, призрачного порядка применения в той или другой форме воздействия палок страха и приманок корысти. Вот чего не хотят понять многие мечтающие о свободе, равенстве и братстве; пока жизнь и отношения не основываются на любви, пока нет добровольной дисциплины любви, невозможна и свобода... Для меня нет сомнения в том, что любовь – совокупность совершенства, что любовь – первопричина бытия и конечная цель творения, что верность любви – верность Богу, а измена любви – измена Ему, что спасение человечества в вере, действующей любовью». Неплюев не был пустым мечтателем (уездным Сен-Симоном), он был человеком дела. Вот он уходит со службы и уезжает в свое имение, там начинает создавать школу, набирая детей пятилетнего возраста из многодетных малообеспеченных крестьянских семей. Н. Неплюев не был педагогом, но он твердо верил, что Господь ему поможет в этом деле. Н. Неплюев считал, что «...школа должна готовить к жизни, не только развивая умы, сообщая полезные сведения, давая закал, нужный для практической деятельности, но и воспитывая волю в направлении добра, пробуждая стремление к добру». Сообразна с этим и программа воспитания. Н. Неплюев предостерегает от поспешности. Сам процесс воспитания он разделил на несколько этапов: « 1) пробуждение сознания, что Бог – Любовь, и горячего желания быть единокорным с Творцом Мира; 2) покаяние в равнодушии, злобе, даже малой любви, как в величайшем грехе перед Господом; 3) пробуждение живой веры в Бога – Творца, создавшего нас для добра, в Спасителя, который есть воистину »Путь и Истина и Жизнь", в Духа Святого, подающего нам дары благодати и силу на добро; 4) возрастание от любви в любовь до торжества смиренной любви к Богу и ближним, до сознательной дисциплины любви, до жажды послужить делу Божию – торжества любви и стройной организации жизни и труда на началах братолюбия". Неплюев хотел, чтобы воспитанники понимали: «...что школа подготавливает к жизни, а школа жизни подготавливает к вечности, что школьные годы пройдут скоро и надо торопиться, находясь в школе, не только понять добро, но и полюбить его, и целно стать на его сторону, верным ему, на стороне Бога, среди всяких соблазнов, среди самых неблагоприятных обстоятельств, среди смертельных опасностей бурного моря житейского». Всякое насилие отвергалось изначально. Воспитанники вспоминают такой эпизод: по вечерам Н. Неплюев собирал детей в большой зале, где музицировал им, будучи хорошим пианистом, на рояле, и когда случалось, что кто-нибудь засыпал, то он шепотом

просил всех приблизиться к роялю и играл уже тише, чтобы не разбудить уснувшего ребенка. Воспитание и образование, которое получали у него крестьянские дети, мало отличалось от того, какое получали в лицеях молодые дворяне. Каждый день начинался и завершался молитвою, написанной Неплюевым: «Господи, любовью наполни сердца наши. Дай нам любовь к друзьям – воспитателям нашим; дай нам любовь к братьям-товарищам нашим. Господи, любовью наполни сердца друзей-воспитателей наших; помоги им воспитать нас людьми разумными, добрыми и честными. Господи, любовью наполни сердца всех людей, дай нам любовь к ближнему своему, дай нам любовь к добру и правде; дай нам жалость к горю ближнего, в любви – мудрость наша, в любви – наша тихая радость». Очень много возникало трудностей. Например, отпуская детей на выходные дни домой, Неплюев замечал, что все то, что было достигнуто за неделю, бесследно пропадает, так как дома они вновь попадают в мир, испорченный ложью, корыстью, завистью. Как это ни было больно, но Н. Неплюев принимает решение не отпускать детей до тех пор, пока они внутренне не окрепнут, чтобы «мир сей» не смог победить их. Другая немаловажная проблема – учителя: к сожалению, мало настоящих учителей, да и приглашенные со стороны учителя испорчены законами нашего мира. Поэтому было выхлопотано Высочайшее дарование Императора, «в виде исключения», – право школы Н. Неплюева представлять места учителей в этой школе бывшим ее воспитанникам. Это было большой победой! Еще одна из проблем: «Главное зло мира – гордость. Школа благоприятное для зла место, для тех, кто привык пользоваться любовью, не давая ее взамен». Учитывая это, Н. Неплюев сам и говорил об этом воспитателям, внимательно следил за поведением воспитанников, и, если видел проявление эгоизма, старался всячески помочь ученику избавиться от этого греха и направить эту энергию на смиренное служение другим. В 1893 г. выпускники пришли к Николаю Николаевичу (их было около 30 человек) и сказали, что не хотят уезжать отсюда, и тогда он рассказал о своей сокровенной мечте – о создании братства, и прочитал им проект устава; все выпускники согласились стать членами этого братства. Устав братства мало чем отличался в своей основе от устройства жизни в школе. 23 декабря 1893 г. был принят устав трудового братства. Поскольку село называлось Воздвиженское, храм в нем был построен во имя воздвижения Креста Господня, то братство стало называться Крестовоздвиженским. 16 сентября 1894 г. императором Александром III братству были даны права приобретать и отчуждать недвижимое имущество. Вот некоторые выдержки из устава: «Цель братства – осуществление христианской правды в жизни. Средство – стройная организация жизни, отношений и труда на основе любви и братолюбия». Вот что говорилось об отношении к труду: «Помнить, что труд необходим для поддержания земной жизни человека; Помнить, что если мы сами не выработаем все нужное для себя, за нас должны будут трудиться остальные; Ко всякому труду надо относиться честно, стараясь исполнить его как можно лучше и скорее; Беречься самовнушений, поддерживающих в нас уверенность, лень и небрежность наша и мы ни лучше, ни скорее работать не можем; Нужна мера и в подвиге труда. Надо уделять и сну, и отдыху достаточно времени, чтобы сохранить здоровье, без чего мы скоро можем подорвать свои силы и перейти в разряд неспособных к работе». По отношению к вещам: «Понимать, что всякая вещь – ценность и результат труда; считать долгом совести возможность упрощения жизненной обстановки, приучая себя к дешевой простоте жизни, без чего вся жизнь будет поглощена приобретением средств на дорогостоящую обстановку в ущерб жизни умственной и духовной». Основа жизни братства – любовь к Богу и ближнему. Вот как об этом сказано в уставе: «Сознательно относятся к братству и могут созидать его только те, кто понимает, что братство должно быть делом Божиим и потому относится к нему с благоговением и смирением, в духе страха Божия; Добрый страх Божий состоит в том, чтобы бояться оторваться от Бога Живого, оскорбить Его и стать чуждым Ему и быть лишенным причастия благодати Его. Ставшим на путь подвига любви можно признать только того, кто признает свою братскую обязанностью великодушно и с кроткостью ко всем относиться, от всего сердца прощая обиды, никогда ни под каким предлогом не считая себя вправе изменить любви, кто признает свою братскую обязанностью в любви и уважении предупреждать других

и не считать себя вправе требовать любви и уважения от других, кто считает позорным обидеть, а не быть обиженным, кто всегда готов смиренно покаяться в своих немощах и не способен успокоиться до тех пор, пока не загладит своей ошибки и не вымолит прощения у ближнего. Сознательно к братству относится только тот, который верою ходит, а не видениями, руководствуясь в жизни не тем, что есть, а тем, что быть должно, во что он верит, именно в этом духе относясь ко всей окружающей жизни, чуждаясь пошлых сплетен о том, что видит, возвышаясь до живого интереса к тому, чего требует вера ». Братство состояло из нескольких семей, объединение в которые было, по возможности, по одинаковому роду занятий: « ...братская семья должна достигать двух целей: 1. Созидать истинно братскую жизнь в духе благоговения, мира, любви, радости так, чтобы всем на лоне братской семьи могло быть уютно и тепло. 2. Ревниво ограждать себя, а через то и все братство от вредной, разлагающей, смертельной для братства закваски - гордости ». Каждая братская семья строила дома для своих братьев, семья же, в обычном для нас смысле слова, занимала столько комнат, сколько было необходимо для жизни и работы по собственному усмотрению. К 1908 г. было 10 братских семей (500 человек). Во главе братской семьи стояли старейшины ("живая совесть семьи"). На любую должность в братстве избирались по способностям, считая, что чем больше кому дано, тем больше он должен будет послужить на пользу обществу, не продавая своих способностей, не оценивая их деньгами. Почет и признательность можно заслужить не тем, какую должность занимаешь, а тем, как относишься к ней. Для корректирования внутренней жизни семьи проводились товарищеские совещания. Вот как об этом говорится в уставе: «...Совещание никогда не должно принимать вид судилища, борьбы партий и бесплодных словопрений. Оно всегда должно иметь характер дружного, семейного обсуждения общей жизни в духе взаимных чувств любви и уважения друг к другу. Не должно ограничиваться обсуждением темных сторон общей жизни. Надо более созидать добро, нежели бороться со злом». Верховная власть в братстве принадлежала Братской Думе, куда входили старейшины и представители семей. Она занималась основополагающими вопросами, частные же, как правило, решались в семьях. Три человека из Братской Думы составляли постоянную комиссию для оперативной работы. Братская Дума избирала Хозяйственный совет, главной целью которого была стройная организация экономической части жизни братства. Он занимался составлением хозяйственного плана, наблюдал за точным его соблюдением и составлял сообразно доходам смету расхода на предстоящий год. Председатель в Думе и во всех собраниях братства - пожизненный блюститель братства, избираемый Думой. Ежегодно Дума на общем собрании отчитывается перед братьями о проделанной за год работе. Члены братства несут всевозможные обязанности: управляют имениями, лесами, заводами, занимаются в конторе, учительствуют в пяти братских школах (две - сельскохозяйственные, три - начальные) и работают, исполняя все работы по назначению. Все члены братства пользуются одинаковыми правами - как в столе, одежде, так и в чистой прибыли. Большое внимание уделялось и эстетической стороне братской жизни: «...зарождение всякого таланта и дарования на лоне братства всех очень радует, т. к. доставляет всем эстетическое наслаждение, которое братство охотно себе позволяет и считает это не только вполне законным, но и необходимым». В братстве были свои художники, поэты, симфонический оркестр, оркестр народных инструментов. Храм был построен своими архитекторами и украшен своими силами, без привлечения мастеров «со стороны». Наиболее способные члены братства отправлялись братством для получения высшего образования. Братство не было замкнутым, члены братства могли путешествовать, принимать гостей; во время империалистической войны братство открыло лазарет, а также посылало на фронт продовольствие и одежду собственного изготовления. В братство могли вступить и люди «со стороны». Желавшие вступить поселялись в одной из семей и жили на равных правах со всеми в течение одного года, затем семья решала на своем собрании вопрос о приеме этого человека. Если ответ был положительным, то Дума утверждала его, если ответ был отрицательным, то человеку давался еще один год, если он этого хотел. Неплюев не считал тот путь, которым шло братство,

единственно верным, но основу, на которой все строилось, считал единственной. Н. Н. Неплюев мечтал о том, чтобы по мере роста братства создавались артели, куда бы вошли лучшие представители братства; уходя, они бы создавали подобные братства на новом месте. Крестовоздвиженцы снабдили бы их всем необходимым и дали бы денежную ссуду и, как только новое братство выплатит долг, оно становится независимым и поддерживает с неплюевским братством лишь духовное общение. В 1907 г. Неплюев по заказу членов Сената пишет «Примерный Устав братств России», исходя из опыта крестовоздвиженцев. К сожалению, после искажения и свертывания реформ министра Столыпина (начавшихся в 1906 г.) это начинание не приобрело широкого распространения. В 1908 г., 21 января, скончался Н. Н. Неплюев. Это было большой, но не невозможной утратой для братьев. Еще за несколько лет до своей смерти Н. Неплюев начал подготавливать братство к этому. Все свое имущество Неплюев передал братству, делая это постепенно, по мере готовности принять и разумно управлять полученным. Благодаря большой подготовительной работе после смерти Н. Неплюева братство не «развалилось», а продолжало процветать. Пожизненным блюстителем была выбрана сестра Николая Неплюева Мария Николаевна Умонец. До самых последних дней существования братство исполняло завет, оставленный ему его создателем: «Трудовое братство есть дело созидания добра, а не борьбы со злом путем критики и протеста. Трудовое братство протестует против зла, созидая добро». Братство существовало до 1930 г., во времена коллективизации, проводимой по всей стране, оно было живым укором политике правительства, подтверждающим всю глупость этого предприятия, как, впрочем, и весь уклад жизни в братстве обличал то, что делали большевики в России. Поэтому-то братство и было объявлено «групповым кулаком», хотя абсурднее обвинения придумать было просто невозможно, т. к. кулаки использовали наемный труд, угнетая, в терминологии того времени, своих работников, в братстве же никакого наемного труда никогда не использовали, – все члены его были совладельцами братского имущества и сами выполняли все виды работ. Но обвинение было страшным, ибо кулаки истреблялись в прямом смысле этого слова. Имущество братства было разграблено крестьянами из соседних деревень, давно уже завидовавшими крестовоздвиженцам. На территории братства был похоронен поэт А. С. Хомяков, на его могильной плите выбиты строки его стихотворения, которые можно отнести и к братству: «*Святым огнем душа твоя горела, Могучий стих как колокол звучал, Но искра Божия, что в гордом сердце тлела, Погасла с жизнью... Презрительно толпа холодная смотрела, Но гордый ум призыву не внимал...*» С первых же дней своего существования братство было «не от мира сего». Вот что писал один из братьев в 1908 г.: «...Мирно и уютно, как в Раю, живет в братстве. Порой не верится и спрашиваешь себя: да не сон ли это, не греза ли? Столько любви и приветия, заботливости, внимания и мира. Мира кругом... Вне Бога нет мира и радости, вне братского единения и братской любви нет истинного счастья и благоденствия». И «мир сей» расправился с ним, но не победил. Человек всегда будет искать ответы на вопросы «в чем истина?» и «как жить?», и рано или поздно он придет к ответам, подобным ответам Н. Н. Неплюева и, если будет последовательным, продолжит его дело.

О других братствах <../bratstva.htm>

Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской): Сектантство в православии и Православие в сектанстве

Экуменический и нехристианский опыт

(статья из сборника «Правило Духа»)

Ошибочно думать, что все православные суть действительно не сектанты и что все сектанты суть действительно не православные. Не всякий православный по имени таков по духу, и не всякий сектант по имени таков по духу, и в настоящее время в особенности можно встретить «православного» – настоящего сектанта по духу своему: фанатичного, нелюбовного, рационально узкого, упирающегося в человеческую точку, не алчущего, не жаждущего правды Божией, но пресыщенного горделивой своей правдой, строго судящего человека с вершины этой своей мнимой правды – внешне догматически правой, но лишенной рождения в Духе. И, наоборот, можно встретить сектанта, явно не понимающего смысл православного служения Богу в Духе и Истине, не признающего то или иное выражение церковной истины, но на самом деле таящего в себе много истинно Божьего, истинно любвеобильного во Христе, истинно братского к людям.

И наличие таких смещений в христианском обществе не позволяет легкомысленно подойти к вопросу вероисповедных отношений. Сектанты грешат в непонимании Православия, но и мы, православные, не следуем своему Православию, не понимая их, сектантов, иногда удивительно пламенно и чисто устремленных к последованию за Господом, к жизни в Нем, Едином.

Человеческий узкий, гордый, больной разум, не преображенный в Духе Божиим, одинаково стремится к разделению и ищет повода к нему, кому бы он ни принадлежал этот разум – православному или сектанту.

Мы, православные, веруем, духовно видим, что имеем полноту человечески выраженной истины. Но это совсем не значит, что мы уже следуем этой полноте истины и что эта полнота наполняет нас. Мы иногда имеем ее только на языке, или думаем, что она у нас в глазу должна заменить бревно духовной лени нашей. Но все это далеко не так. Истину мы имеем, и полную, но жить в ней не хотим или не умеем, и просто часто не стремимся жить в ней, ибо она очень стеснительна для нашего ветхого человека. А погордиться, повеличаться своей православностью мы не прочь.

Тогда как среди иновероисповедных христиан есть множество живущих в истине Православия – духом своим. Есть сектанты, которые горят духом и любовью к Богу и к ближним гораздо более, чем иные православные, и вот этот дух горения любви к Богу и к человеку есть признак истинного жизненного Православия. Кто его не имеет среди православных, тот не истинно православный, и кто его имеет среди неправославных, тот истинно православный. По-человечески он заблуждается, по-человечески он не понимает того или другого, не видит тот или иной цвет в природе мира (духовный дальтонизм; не видит, например, смысла икон, общений со святыми, ушедшими из этого мира), но по духу, по внутреннему человеку он – верный и истинный, нелицемерной любовью преданный Живому Богу Воплощенному) Господу Иисусу Христу – до смерти. Наличие таких подлинно православных христиан замечается как среди православных по умоисповеданию, так и среди римокатоликов, также среди протестантов всех оттенков, к каковым оттенкам принадлежат и русские сектанты, сектаризировавшиеся, т. е. отделившиеся умом и опытом от догматического исповедания Церкви, отчасти из-за непонимания этого исповедания в Духе, отчасти из-за дурных примеров осуществления этого исповедания в жизни. Всякому православному ясно, что православные по своему умоисповеданию люди часто являются не только не назиданием для общества, но прямым развращением этого общества. Не говорим о примерах политиков, общественных деятелей: они касаются, конечно, и в большой степени и нас, духовенства, не всегда стоящего на духовной высоте Православия, несмотря на ясное сознание истинности своей Церкви.

А монастыри... сколько было глубокого неправославия, мирского, тленного духа подчас под

смиренной одеждой монаха. И все «легковесное», гнилое всплывало на поверхность церковной жизни и более бросается в глаза, чем истинно смиренный, самоотреченный труд множества пастырей и иноков подлинного Православия, жизнью своею шедших за Христом и умиравших во Христе. Революция показала, обнажила слабый слой православного русского священства, но она же подчеркнула мученическое исповедничество православной жизни у большинства священников. Кто-то сказал, что наличие сектантства показывает религиозность народа. Можно сказать и так: наличие сектантства показывает православность народа, его горение духа, его стремление к идеалу, его жажду не внешней религии, но внутренней, жажду своего сердечного завета с Богом. И это по существу есть Православие. В наличии сектантства православный, а тем более священник, всегда более виноват, чем сектанты. Думать так – не является ли думать по-православному, беря на себя вину и ответственность за отделившихся братьев. Иначе не будет Христовой правды – если не взять на себя вину. Человеческую правду сложно осуществить в признании виновными сектантов, но Христова правда иная, «безумная» для мира, мудрая лишь – для Бога.

Ни спорами, ни диспутами, ни препирательствами, ни грубыми обличениями нельзя показать ту положительную силу Духа Божьего, который живет в Православии, который есть само Православие. Этот Дух можно выявить лишь в безумном по-человечески отречении от своих разумных прав и предоставлении Суда – Духу. В православной апологетике надо, прежде всего, делать ясное и твердое ударение на разъяснении смысла вероучения и на показании этого вероучения в жизни. Надо ясно понять, что Православие есть страшный Огонь, как Святые Тайны. Принимающих полноту Православия этот Огонь либо преобразит, либо сожжет.

Православие создало дух русского народа, но оно же и сожгло русский народ. Неправда, что русский народ сожжен большевизмом; он сожжен Православием, он сделался недостойным причастником Святыни Полноты веры и эта Святыня опалила его. Здесь закон Божьего Духа, закон Церкви. Сектантство – это неправославное искание путей Православия. По немощи человека оно совершается не вглубь>, а вбок, т. е. не в догмате, а около догмата. Догматическая (чистая) жизнь около догмата представляет собою, конечно, большее Православие, чем недогматическая (блудная) жизнь в догмате. Это надо понять со всею ясностью, со всею определенностью Божьего Слова, прямо указывающего на это хотя бы в притче о двух сыновьях, из которых один сказал, что не исполнит воли отчей, но исполнил ее, а другой сказал, что исполнит, но не исполнил. Исповедание православного Символа веры есть запечатление Евангелия. Символ должен совершаться в жизни, стать реальностью. У одного человека он совершенно не реален в жизни, хотя этот человек произносит его каждый день на молитве; у другого вера является в жизни любви его ко Господу Иисусу Христу, к Отцу Небесному и Духу Святому, и она отражается на лице его, на словах и всех поступках. Кто же ближе к Царствию Божию? Ответ ясен. Конечно, второй, неправославный по имени, но православный по духу и истине, наученный самим Духом.

Православные по самоисповеданию, по самоутверждению должны понять, что Православие это отнюдь не привилегия и не повод к осуждению других, и не гордость. Православие, наоборот, есть смирение, есть исповедание полноты Истины, как правды, так и любви. Православие должно побеждать только сиянием своим, как Сам Господь, а отнюдь не пушкой – стальной или словесной, все равно. Православие не сияет в православном обществе, в том, которое гордится своим Православием. Оно сияет в том, кто смирен в своем Православии, кто чистоту веры понимает не разумом только маленьким своим, но духом, всей жизнью. Красота Православия дана для спасения людей, а православные ее стали обращать для осуждения, для погубления людей. Можно сказать, что нет на земле совершенно православных людей, но что частично православны и сами так называемые православные и те, кто не считает себя в православии, но считает во Христовой Церкви и жизнью живет во Христе.

Православие – солнечный свет, лежащий на земле. Светит для всех, но не все освещаются им, ибо кто в подвале, кто закрыл свои окна, кто закрыл свои глаза... Но невольно возникает вопрос: не есть ли эти мысли, хотя бы в самой малой мере, отказ от чистоты православной веры, от той чистоты, ради которой столько было пролито крови и ревности святыми отцами? О нет, это не только не отказ от чистоты православности, но это есть защита и исповедание именно ее. Возьмем для примера почитание святых, молитвы к ним. Сектант – неразумно, не по духу – отрицает эту ветвь жизни духа. Мы утверждаем ее духовную реальность во Христе. Может ли спастись человек, не признающий этой реальности? Страшный вопрос. То, что должно служить как помощь спасения, может ли быть как предлог осуждения, если не воспользоваться этой помощью? Что святые ищут – прославления себя, или Бога? Конечно, Бога. И всякое истинное прославление святых есть прежде всего – прославление Бога: «Дивен Бог во святых Своих...» Значит, если мы прославляем «прямо» Бога и прославляем действительно, нелицемерно, – святые и ангелы, конечно, ликуют, радуются, духовно лобзают такого прославляющего. Наоборот, если человек поет величание и акафисты святым, а в жизни своей не имеет любви к их духу – духу Христовой чистоты и правды, и любви, не является ли этот человек более поругателем святых, чем прославителем их?

Благодаря ему, может быть, многие перестали прославлять святых, соблаздившись такими результатами его прославлений...

О, сколь косо и грубо плотское мудрование человеческое, как распинается чистейший Дух Господень в людях! Установления Православной Церкви суть школа духа, самая удобная, если проходится в духе. Все в Православной Церкви должно оживлять и одухотворять. Вина человека, если он оземляется. Мы, православные пастыри, – учителя во Христе.

Учитель Един – Господь Иисус Христос, и никто – вне Его – не может быть учителем. Мы учим лишь, как повиноваться Единому Учителю, Мы не во имя свое, но во имя Христова учителя. Но вот мы видим, что кто-то выучился быть учеником Христовым без нас.

Что же? Будем ли мы против него восставать, как хотели апостолы восстать против тех, кто «не ходит с ними» (Лк 9,49), но получили достойную отповедь Учителя, годную и для нас, православных пастырей. Мы радоваться должны, что человек силою Всемогущего Духа, который «дышит, где хочет», чудесно преобразил свою жизнь и приносит Богу плод. Нам не ясен путь Духа в этом человеке? Но разве мы поставлены судить о путях Духа, если плоды Духа ясны нашим глазам? От плодов велено знать. Плоды же ясно определены у апостола (1 Кор 13, 4-8).

Непрощаем грех один только – против Св. Духа, против любви к Нему. Любящий неправду, восхваляющий грех, наслаждающийся злобой, повинен в этом грехе, но никак не умственно признающий или умственно непризнающий, т. е. видящий душою или невидящий душою – той или иной истины. Если я духовный дальтоник не вижу того или иного цвета в природе духовного мира, но остальные цвета вижу так же, как видят все, неужели я отверженный? Я скорее должен быть предметом особых попечений, особого сострадания. Сектант, который верует в Пресвятую Троицу, в необходимость духовного рождения, в необходимость сознательного отношения к крещению, в необходимость верующим не стыдиться веры своей среди равнодушных, но исповедовать ее перед всеми, верует каждому слову Священного Писания и из ревности по этой вере считает лишним все иные проявления откровений Духа Святого в Церкви за 1900 лет (откровений, кои не противоречат, но разъясняют скрытое в Евангелии) – этот сектант неужели должен быть злобно гоним нами, православными?

В чем же тогда будет наше Православие? Не только сектантов, этих братьев наших по вере в Единого Спасителя и Искупителя мира, мы не должны злобно, раздражительно и грубо гнать и

осуждать. Мы никого из людей не смеем злобно или раздражительно осуждать. Мы можем заметить ошибку, слабость, если сами чисты, но соболезнующе. Немилосердно мы должны только изгонять грубый дух мира сего из своего сердца. И тогда наше Православие засияет. Ибо средство немислимо оправдать целью. Нельзя Православие защищать по-язычески или по-иудейски. Чистота Евангельского Духа – Православие Святое – должна защищаться евангельски, бесстрастно, мудро, с великою любовью к той душе, за которую пролита Богочеловеческая кровь.

Кидать камнями очень легко. И ветхий наш человек только ищет дозволенных предлогов для камня. Предлог ревности по вере – самый удобный. Защищается великая святыня – чистота веры и духа! Именно здесь, у защиты святыни должен человек облечься в святыню, подпоясать свои чресла постом и милостынею духа. В этом и будет Православие его жизни. Надо открыто признать тот несомненный факт, что среди всех исповеданий веры в истинное Боговоплощение, на земле совершившееся в Господе Иисусе Христе, Альфе и Омеге спасения, среди всех призывающих Его Святое Имя – есть духовно рожденные люди. И среди православных, и среди римо-католиков, и среди протестантов разных направлений и оттенков.

Обратный факт таков, что среди и первых, и вторых, и третьих есть люди, не родившиеся духом во Христе, не возненавидевшие зла, не возлюбившие Бога всем сердцем, всем помышлением. Все те, коих Православная Церковь принимает без крещения, все те суть христиане – братья православных во Христе, и отношение к ним должно быть особенно братское, любовное. Говорим, особое, ибо братское отношение должно быть у человека ко всем людям. Как может православный обратить кого-либо к вере, сети не будет у него для этого человека любви? Как узнает этот человек ту веру любви, если не увидит любви у тех, кто ее проповедует?

Гордость мерзка пред Богом, и мы, православные, вразумляемся сейчас не только за грехи своей плоти, но и за грехи своего духа. «Ты говоришь: Я богат... (православен!), – а ты жалок и нищ, и слеп, и наг» (Откр 3, 17), – говорит Господь гордящемуся нелюбовному православному человеку. Придет ли то благословенное время, когда засияет подлинное Православие в тех, кто носит Его имя?! Засияет кротость, милостивость, чистота, любовь нелицемерная о Христе к каждому человеку, к каждой твари. В наши дни сияет вера православная в мученичестве русских людей. По и в некоторых сектантах – мучениках и исповедниках, как и в католиках, изгоняемых и мучимых за веру Христову, – прославилось Православие, истинное, нелицемерное, гораздо более чистое и святое, чем в тысячах теплохладных, боязливых, имеющих только имя, «будто живых» (Откр 3, 1), но на самом деле мертвых последователей нашего чистого догматического учения.

Наше Православие здесь лишь отблеск, лишь отзвук Православия небесного, его вечной истины, вечных совершенств. Догматически оно чисто отражается в учении Православной Церкви, но оно есть дух и жизнь и имеет плодом своим – только жизнь. Православие есть добрый плод, и о дереве надо судить только по плодам, по результатам его цветения. Пусть цвет некрасив, пусть листья колючи и сухи, пусть дерево низкоросло и неказисто, пусть даже поломано... Но если плод сладкий, чистый и питательный – то дерево православно в плодородности своей. И, наоборот, пусть пышны цветы и листья, пусть огромно и чудно дерево, сети плод несъедобно горек, ядовит или ничтожен, то ничто не явит истину Православия этого на вид выделяющегося дерева. И жалко будет оно, сети само станет выделять себя и превозноситься над другими деревьями.

Но в чем практически состоит дух сектантства, против которого надо вооружаться молитвою и трезвением? Дух этот есть дух душевной (не духовной) ревности. Это – рационализация веры, блюдение чистоты веры и потеря глубины. Это ущерб любви.

Некоторые православные по-сектантски защищают свое Православие, орудуя текстами Писания или канонами, как палками, браня сектантов, или своих же православных (примеры древних и новых расколов), защищая веру свою без надежды на Бога, без любви к человеку. И наоборот, в некоторых сектантах проявляется православный дух в отношении того или иного вопроса. Например, в отношении непонимания общения с Небесною Церковью (святыми) все сектанты будут «не признавать» этого общения, и не желая приобщаться к его опыту Духа, горделиво отвергать это общение, но один сектант будет обличать православных за их «идолопоклонство», другой – «отдаст суд Богу», и лишь кротко помолится о просвещении братьев православных светом истины. И тот, и другой будут вне опыта православного общения с Небесной Церковью, но один будет неправославно настроен (первый), другой – православно, и несмотря на свое неправославное исповедание веры, может быть, окажется пред Богом более православным, чем иной православный, общающийся со святыми чисто внешне – обрядно, но не поступающий в жизни по заповедям Евангельским, не стремящийся сердцем к духу святых.

Все повинны. «Нет праведного ни одного» (Рим 3, 10) – это надо понять. И не осуждать друг друга, но помогать друг другу, учиться правде друг у друга. Сколько перегородок тогда падет!

Если бы Господь ограничил Себя теми законами спасения, которые понятны нашему человеческому уму, нам бы всем пришлось погибнуть. К безмерному счастью человеческому – это не так.

Законы спасения Божьего шире наших пониманий, вернее сказать – глубже. Ибо Спаситель – Господь, а мы – люди, тварь ничтожная и окаянная пред Богом. И «вся наша праведность – как запачканная одежда» (Ис 64, 6)... Вся православность наша действительно «как запачканная одежда»... И сознание этого только выявляет, только подчеркивает безмерную истину, глубину и величие Православия.

Священник Георгий Кочетков: О главном герое романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита»

Литература и жизнь

В 1940 году в тяжких мучениях умер Михаил Афанасьевич Булгаков, сын ординарного профессора Киевской Духовной Академии, великий мастер Слова. Буквально до смерти, уже потеряв зрение, он дорабатывает лучшую свою книгу Мастер и Маргарита, прибегая к помощи супруги, горячо им любимой и ставшей одним из вдохновляющих прообразов подруги Мастера. В этой книге Булгаков хочет нам что-то открыть и рассказать, поделиться чем-то совершенно новым и в то же время переосмыслить все бывшее до него, старое, в свете этого нового. Он пишет пророческую книгу, полагая душу свою за Истину, заложенную в ней. Эта Истина одна из последних известных нам великих попыток построения целостной творческой антропологии. Исходные позиции Булгакова здесь еще вполне традиционны с точки зрения церковного учения о Промысле Божиим о человеке и мире. Он говорит устами философствующего созерцателя, князя тьмы Мессира Воланда: Все будет правильно, на этом построен мир. И еще: Кирпич ни с того ни с чего никому и никогда на голову не свалится.

Однако внутренние и внешние особенности его жизненного опыта в кризисную историческую эпоху заставляют давать своеобразное раскрытие этих его истин. Монизм в истоках ведет к дуализму в их эволюции. И не случайно эпиграфом к первой части книги служит близкое по

духу дуалистическое место из Фауста Гете: ...так кто ж ты, наконец? Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо. Булгаков всей душой ищет это благо и стремится к нему с великой простотой надежды, в то же время горько ощущая всем существом недостойность свое и мира. Это заставляет его углубленно размышлять и духовно познавать сверхэмпирическую реальность, вводя подчас удивительно тонкие различия и нюансы. Так, он далеко разносит по разным ведомствам (добра и зла, точнее, света и тени) посмертные награды покоем и свободой света, относя первое к ведомству тени, а второе ведомству света, при всей сопряженности которых ощутительно показывает и великую пропасть между ними. Это может напомнить концентрацию внимания на промежуточной и в этом смысле сугубо экзистенциально-трагической фигуре привязанного ко столпу обнаженного человека на границе Рая и Ада, обычно появлявшейся на средневековых православных иконах Страшного Суда. Этот человек мог иметь и веру, и добрые дела, но вперемешку с мирскими суевериями и делами суетными и злыми. Исходя из этого Булгаков себя и современный ему мир приговаривает к участи не заслуживших света, причем оставляет надежду на всеобщее восстановление (апокатастасис) и освобождение во свет. Это-то и дает ему право диалектически сопрягать противоположность света и тени и смягчать отношения между их адептами и даже главами (Иешуа и Воландом). Поэтому никого не может удивлять та растерянность при поисках духовных прототипов книги Булгакова, когда приводятся параллели из учений гностических, оригенистических, романтических, экзистенциальных, а подчас и дуалистических, богомильских, масонских или антропософских, а также доказываются сродство этой книги с книгой Иова и лучшими творениями Данте, Шекспира, Сервантеса, Гете, Пушкина, Байрона, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, поэтов-акмеистов, Флоренского. Такие сближения всегда отчасти верны и не верны, ибо позиция и опыт Булгакова не сводимы до конца ни к одному учению, ни к одной книге. Они являются результатом внутреннего свободного творчества Булгакова в христианском смысле этого слова, что было задано самим духом времени, о котором сказано: ...ныне всякий культурный человек христианин . Не однажды уже было отмечено, что книга, или как ее еще иногда условно называют роман , Булгакова Мастер и Маргарита очень близка и актуальна для современного понятливого читателя, причем не только потому, что сбылись многие ее пророчества (хоть бы взять знаменитое рукописи не горят : ведь действительно, сожженная Булгаковым в марте 1930 года книга сначала была возрождена и обновлена самим автором, а потом в своем конечном виде появилась в печати в 1973 году). Популярность ее столь велика, что в первые же годы после публикации она была переведена и издана в десятках наиболее культурных стран мира, было создано много фильмов и спектаклей по мотивам романа , произнесено и написано множество речей и исследований, причем мы все еще продолжаем испытывать их нехватку. Книгу читали и перечитывали миллионы людей, ее крылатые слова и выражения прочно вошли в наше сознание, ее цитируют без ссылок на автора, ибо предполагается, что он всем известен. Книга Булгакова выходит за рамки любого жанра, в ней множество персонажей и духовно-идейных сгустков, она многопланова даже внешне, по композиции. Этот материал настолько богат и многообразен, что несмотря ни на что можно смело утверждать: ключи к главным, наиболее существенным и не лежащим на поверхности пластам произведения Булгакова еще не подобраны. И особенно это следует сказать о так называемых главах о Христе , или Евангелии от Воланда , т. е. от Сатаны. Несколько раз стройный текст романа прерывается как бы вставками, звучащими то как рассказ явившегося со свитой в Москву конца двадцатых-тридцатых годов консультанта по черной магии профессора Воланда об Иисусе Иешуа га-Ноцри, то как части произведения самого героя книги Мастера, созданного его духовным творчеством и принесшего Мастеру как радость и любовь, так и горчайшее испытание, отчаяние, страх и болезнь, то как авторский булгаковский текст. Таким образом, автор этих глав как бы троится, он тройственен, что служит укреплению веры в полнейшую достоверность и истинность всего этого повествования, родившегося не от досужего ума, но от тревоги, выросшей из разрушенного, но вожделенного покоя, что дважды выражается

дословно одинаково Мастером и Понтием Пилатом: И ночью при луне мне нет покоя, зачем потревожили меня? О боги, боги... Главы о Христе содержат повествование только об одном дне, который в церковных календарях обозначается как Великая Пятница, о дне, в который произошли в Ершалаиме допрос у Пилата, осуждение, распятие и смерть Иешуа, а также убийство тайной службой Пилата Иуды из Кириафа. Начинается это повествование, равно как и заканчивается оно, а потом весь роман, словами о жестоком пятом прокураторе Иудеи всаднике Понтии Пилате. В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат. Это внимание к личности и трагедии Пилата заставляет самого Булгакова назвать в тексте главы о Христе романом о Понтии Пилате. В связи с этим у нас сразу встает вопрос о том, кто же все-таки главный герой этих глав романа в романе? Вопрос далеко не академический, ибо ответ на него помог бы нам распознать тайный код, являющийся единым ключом ко всем запорам, которые не допускают к глубинным пластам булгаковской книги. Обычно интуитивные (как и осознанные) ответы на этот вопрос сводятся лишь к тому, что им является или Христос, <Отождествляемый с Иешуа.> или Иешуа и Пилат, изредка же просто Пилат. И так много правды в каждой такой позиции, что приходится констатировать, что все они правы, но одновременно подозревать, что ни одна из них всей правды еще не содержит. К тому же подталкивает нас тройственность авторских лиц, которым эти главы приписаны. Тут мы должны вспомнить о дуализме воззрений Булгакова, о сопряженности ведомств света и тени, милосердия и возмездия в их взаимодополнительности. Дуалистическая система Булгакова не самая сложная, она может быть даже в известной степени уже содержалась в интеллектуальной культуре нового времени, и потому является общей для многих мыслителей и писателей, касавшихся этой тематики. С одной стороны, совершенное Добро, чистый Дух, святое Слово, воплощенные в странствующем бродяге Иешуа Га-Ноцри, с другой же, тяжелая плоть мира сего, требующая в отношении к себе справедливости и возмездия за теневые дела и получающая их от лица Мессира Воланда. Но зовя отмщение, правая сила не способна упиваться жестокостью, бесконечно наслаждаться мстительным чувством торжества. Милосердие другое лицо справедливости. (В.Лакшин, с. 308). Поэтому мы вправе сказать, что в главах о Христе, когда речь идет о главном герое, надо говорить всегда сразу по меньшей мере о паре их об Иешуа и Воланде, несмотря на то, что образ Иешуа открыто и явно присутствует в повествовании, а Воланда лишь имплицитно и намеком. О присутствии Воланда при всех событиях Великой Пятницы говорит лишь он сам, да как бы случайно оброненное автором книги замечание о состоянии прокуратора, ожидающего в сумерках известия о погребении Га-Ноцри, который как будто на глазах постарел, сгорбился и, кроме того, стал тревожен. Один раз он оглянулся и почему-то вздрогнул, бросив взгляд на пустое кресло, на спинке которого лежал плащ. Приближалась праздничная ночь, вечерние тени играли свою игру и, вероятно, усталому прокуратору померещилось, что кто-то сидит в пустом кресле. Однако не случайно эти главы называются еще романом о Понтии Пилате, ибо явно недостаточно и двух главных героев. Понтий Пилат, а вслед за ним по типологии и оставшиеся авторы повествования о Христе, безусловно включенные в самую ткань его, также могут быть названы в полном смысле слова главными героями. Итак, надо констатировать парадоксальный факт, что повествование о Христе романа Булгакова Мастер и Маргарита, имеющее тройственного автора, включает в себя пять главных героев и никак иначе. Это, видимо, легче было бы себе представить графически. Понтий Пилат Воланд Мастер Иешуа Булгаков Что же объединяет на пьедестале главного героя Пилата с Мастером и автором книги? Прежде всего то, что все они не заслужили света, но находясь в ведомстве Воланда, устремлены к этому свету и к свободе. Один из них, а именно Пилат, уже на страницах книги достигает желаемого, будучи освобожден могучим словом Мастера. О Мастере же просит Воланда посланец Иешуа Левий Матвей, находя возможным наградить его покоем. О том же думает и мечтает, так же, как и Мастер, сломленный отчаянием и страхом автор книги. Все трое, прозрев, учув Истину,

в последней схватке со злом не выдержали и отступили, хоть и по-разному. Однако этого достаточно, чтобы вместо закона свободы подпасть под закон справедливости, ибо никто и никогда не имеет права уступать злу... конец борьбы это конец самой жизни, ее человеческого (а можно еще добавить и божественного К.) смысла и содержания. Это печать отчаяния, проклятие и гнев Творца. И даже если это еще не тьма, даже если человек только отступает, только замыкает в себе то, что должен нести другим, все равно это уже никак не свет. (И.Виноградов, с. 69-70). Так утверждается безусловная первичность духовно-нравственной позиции человека в любых условиях его существования, без какой-либо поблажки и компромисса, и не допускается никакая уловка оправдания. (ср. Лакшин, с. 296, И.Виноградов, с. 54). И при этом в уста Иешуа вкладываются значительные слова: Трусость, несомненно, один из самых страшных пороков!, а сам Булгаков даже предлагает еще более ригористическую формулировку: Это самый страшный порок! В конечном счете можно прийти к выводу, что главный герой повествования о Христе целиком идентичен главному герою всей книги Булгакова. И в связи с этим надо сделать еще одно очень важное замечание, которое хоть и касается глав о Христе, однако может быть выявлено лишь в общем контексте книги. Кроме дуализма воззрений Булгакова, сознательно включенного в мыслительно-духовную ткань романа, мы можем заметить еще, видимо, неосознанный дуализм авторской позиции. Противостояние и связь ведомств Иешуа и Воланда воспринимаются все-таки как некая гностическая конструкция, как временные мехи интеллектуальной культуры, но это лишь мехи, а в них молодое вино чистого христианского духа, выражающегося в духовной культуре и олицетворенного уже не Воландом и Иешуа, а живым Господом Иисусом. Но это обстоятельство, проявляющееся в основном на материале менее обработанных последних глав (например, запрет Азazelло кухарке совершить крестное знамение под угрозой отсечь руку в эпизоде запаления подвальчика Мастера), снова возвращает нас к вопросу о главном герое, ибо делает, по меньшей мере, недостаточным любой ответ на этот вопрос, в том числе и наш. Мы теперь не можем сомневаться, что главным героем повествования о Христе является еще и Христос, и вывод этот, казалось бы, так и лежавший сначала на поверхности и потому до сих пор даже не упоминавшийся, дает нам право совсем снять заданный темой вопрос, ибо ни в одну схему Дух Христов не вводим. В заключение напрашивается общий дерзновенный вывод о том, что при дуализме воззрений, а также позиции булгакова невозможно хоть когда-либо сказать что-то однозначно-определенное о главном герое повествования о Христе, ибо воистину это одновременно Мессир Воланд и Иешуа Га-Ноцри с промежуточными фигурами Понтия Пилата, Мастера и автора книги, с одной стороны, и Иисус Назорей, с другой. Но таковой была и живая жизнь булгаковского времени, третьего было не дано. И Булгаков остался верен Жизни, выбрав и изобразив на века самый прямой и узкий путь среди соблазнов, пройдя свое поприще до конца по заповеди кто хочет душу свою сберечь, потеряет ее, а кто потеряет ее ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее. Оттого уже на закате своей земной жизни Булгаков говорит устами Мастера: Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна успокоит его... Да не поднимется ни одна рука осудить его, независимо от его естественных слабостей и имевшихся в истории прецедентов (например, с Оригеном). Вера и верность, высшее добро и справедливость, любовь и правда, творчество и свобода да живут в наших сердцах вечно, воспитанные Иисусом Христом и той христианской культурой, в мировой фонд которой безусловно вошла и книга Михаила Афанасьевича Булгакова Мастер и Маргарита.

Литература 1. А.С.Бурмистров. К биографии М.А.Булгакова (1891-1916). Кон- текст-итературно-теоретические исследования. М., Наука, 1978. 2. И.Ф.Бэлза. Генеалогия Мастера и Маргариты. (Там же). 3. И.Виноградов. Завещание мастера. Вопросы литературы,

1968, № 6.4. В.Лакшин. Роман М.Булгакова Мастер и Маргарита , Новый мир , 1968, № 6. 5. Л.Скорино. Лица без карнавальных масок (полемические заметки). Вопросы литературы , 1968, № 6. 6. Л.Скорино. Ответ оппоненту. (Там же). 7. М.О.Чудакова. Опыт реконструкции текста М.А.Булгакова. Памятники культуры. Новые открытия . Ежегодник, 1977. М., Наука , 1977.

Дмитрий Щедровицкий: Поэзия

Поэзия

Душа - Мария, ученица, Таясь, дрожь как на охоте, Вошла - и тела не находит, Глядит - и видит Плащаницу, И ей, как прочим душам: « Что вы Меж мертвых ищите Живого?.. » И - явь ли это или снится? - Крылатой, скачущей и пешей - Нигде не виден ей Воскресший, Везде белеет Плащаница, И - на земле, на небе - снова: « Во гробе сыщешь ли Живого?.. » Но среди сумрачного сада, Что Гефсиманией зовется, Внезапно Голос раздаётся: « Тебе самой воскреснуть надо! Исполни Псалмопевца слово, - Живой да воспоеет Живого!.. » И вот она встает из гроба, В котором ей скитанья снились, А в нем остались мрак и злоба, И все внезапно прояснилось: Душа отбросила покровы - И зрит в себе Его, Живого!.. *** Истина - гуще осеннего сада В сумерках, и недоступны для взгляда Тайные тропы, сокрытые в ней, Бывшие летом рассвета ясней. Корни, кусты, травяные владенья Скрыло от разума Грехопаденье, Истины свет загустился в белок, Полный провалов, пещер и берлог. Роза среди ночи бессильна - и властна, Правда во плоти черна - но прекрасна, В дуплах дремучих страшна - но права: Ангел, взывающий из вещества!.. *** О близость мелодий! Различья развеи: К единой свободе - Давид и Орфей! Единство воспело, И нет уже двух - Влекущее тело, Провидящий дух! Два слившихся диска Побед и обид - О тайна единства: Орфей и Давид! И сумрак, редея, Пропустит рассвет, Где нет Иудея, И Эллина нет!..

РЖАНАЯ КОРОЧКА (*Украинская сказка*) Как пан помирал - Пели да кадили, И за это его в рай Ангелы вводили. Говорит ему Ключарь: « Я кормить не буду - В небе каждый получай, Что принес оттуда! » Как пан в том раю Люто голодает, Он к ногам Ключарю Слезно припадает: « У меня ж в дому добро - Не видать и края... Отпусти меня, Петро, На денек из рая! » ... Вдоль амбаров пан идет - Страсть как видеть рад их, Грузит снедью семь подвод, Семь кобыл крылатых. Из всего того добра Корку обронивши, Пан ее не подобрал: Корку поднял нищий..... Шесть подвод стоят пустых Посредине рая, На седьмой, на дне, блестит Корочка ржаная!..